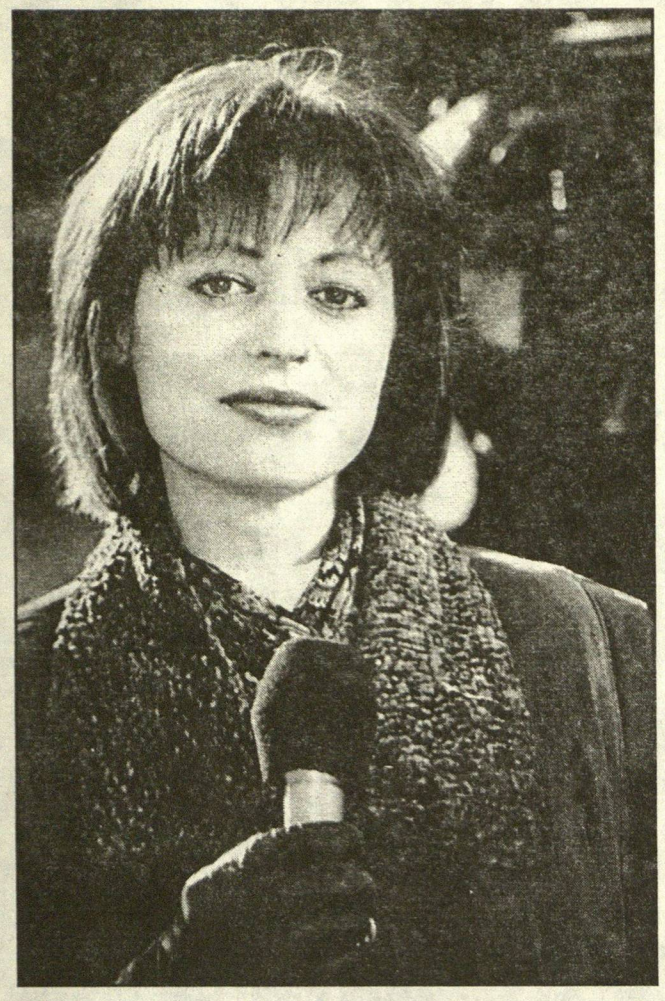

О виночерпий! Налей мне вина,
чтобы воспеть, как прекрасна она!
Как облучает Читу непрестанно
взгляд этот быстрый из телеэкрана.
Умной быть просто.
Красивой — трудней.
Тем, кто все время общается с ней,
виден, как светит, смиряя волненье,
алый веселый огонь вдохновенья.

НА СНИМКЕ Евгения Епанчинцева — Галина Маклакова, ведущая журналистка телевизионной студии "Альтес".

Вначале было Слово...

Чита литературная

Литературно-художественное приложение к газете «Азия-Экспресс»

№ 12 Октябрь—ноябрь 1997 г.

РАЗБЕРЕМСЯ САМИ

Николай Кузаков

В преддверии отчетно-выборного собрания забайкальских писателей "ЧЛ" представляет слово "к друзьям и недругам" бывшего члена бюро и секретаря партбюро Николая Кузакова с изложением его позиции о будущей судьбе творческого Союза в Чите.

Конец сороковых годов. Только что кончилась тяжелая война. Кругом разруха. Хлеб продают еще по карточкам, товары — по талонам. Перед городом сотни проблем, которые надо решать в первую очередь. Тяжкий труд—переходить от войны к мирной жизни. Теперь не скажешь, что война: надо потерпеть.

И вот в это время в Чите создается писательская организация. Казалось бы, до писателей ли городу? Открывается и целая сеть школ рабочей молодежи, которые заполнили бывшие фронтовики и заводские парни от станков. Забайкальцы думали о дне грядущем.

Для меня писатели были богами. И вот я, солдат, полуграмотный деревенский парень, набравшись храбрости, взял свой первый рассказ и пошел в писательскую организацию. Судьба меня свела с писателем Оскаром Хавкиным. Посмотрел он рассказ и сказал:

— Учиться надо.

И пока я не сел за парту вечерней школы, Хавкин не успокоился. Так начался мой путь в литературу длиною в пятнадцать лет. Потом рядом со мною были Василий Никонов, Василий Балябин, Виктор Лавринайтис, Григорий Кобяков, Сергей Зарубин. Говорю я об этом не для красного словца. Нет легкого пути в литературу. И без поддержки опытных писателей, без их дружеской руки многие молодые этот путь не одолели бы.

Страна крепла, мужала, набирала вместе с ней сил, росла и наша писательская организация. В эти годы родилась знаменитая литературная "Забайкальская осень". К нам ехали талантливые писатели со всех уголков страны. Побывать на таком празднике книги в Чите они считали за высокую честь. И вот осенним утром тысячи читинцев, празднично одетые, шли на площадь имени Ленина на встречу с писателями. Мы в то время издавались огромными тиражами: по сто и пятьсот тысяч. Но книг не хватало. Затем писатели ехали к оленеводам, чабанам, хле-

(Окончание на 2 стр.).

СОЛОВЬИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Георгий Безымянный (Лодко)

КАЙЛАСТУЙ

Ф. Бакшеевой, комсомолке 20-х годов

Кайластуй!
Село забайкальское, здравствуй!
Хочу поклониться низко
домам твоим, обелискам,
степным поклониться травам
и пограничным заставам.
Спасибо тебе, Кайластуй,
за твой подарок прекрасный.
Давно это, правда, было.
Она родилась здесь, ходила
не по лощеным паркетам.
Даурские шалые ветры
трепали темные косы.
Дубело лицо на морозе:
земля Забайкалья сурова,
но вышла дивчина здоровой,
с характером твердым и смелым.
Боролась за нужное дело,
любила ургуй и саранки,
умела стрелять из берданки.
В тревожном двадцатом году
остригла девичью косу…
И помнятся, помнятся годы,
что бурны, как вешние воды.
И помнится юный Кайластуй,
далекий, единственный, ясный…

1926–1972 гг.

Павел Васильев

* * *

По снегу сквозь темень пробежали
и от встречи нашей за версту,
где огни неясные сияли,
за руку простились на мосту.

Шла за мной, не плача и не споря,
под небом стояла, как в избе.
Теплую, тяжелую от горя,
золотую, притянул к себе.

Одарить бы на прощанье — нечем,
и в последний раз блеснули, и,
развязавшись, поползли на плечи
крашеные волосы твои.

Звезды Семиречья шли над нами,
ты стояла долго, может быть,
девушка со строгими бровями,
навсегда готовая простить.

И смотрела долго, и следила
папиросы наглый огонек.
Не видал. Как только проводила,
может быть, и повалилась с ног.

А в вагоне тряско, дорогая,
и шумят. И рядятся за жизнь.
И на полках, сонные, ругаясь,
бабы, словно шубы, разлеглись.

Синий дым и рыжие овчины,
крашенные горечью холсты,
и летят за окнами равнины,
полустанки жизни и кусты.

Выдаст, выдаст этот дом шатучий!
Скоро ли рассвет? Заснул народ,
только рядом долго и тягуче
кто-то тихим голосом поет.

Он, поет, чуть прикрывая веки,
о метелях, сбившихся с пути,
о друзьях, оставленных навеки,
тех, которых больше не найти.

И еще он тихо напевает,
холод расставанья не тая,
о тебе, печальная, живая,
полная разлук и встреч земля!

ст. Атамановка. Забайкалье.
1932 г.

Николай Ярославцев

* * *

Я женщиной любимою любим!
А значит, не забыт и не заброшен.
Я мог бы стать, наверное, любым,
Но хочется быть добрым и хорошим.
Я легкими своими воздух пью —
Себя врачую утренним бальзамом.
Такое чувство, будто состою
У Господа на службе первым замом.

Сергей Марков

БАЛЛАДА О ГОСТИНИЦЕ "СЕЛЕКТ"

Не мудрено найти скелет
в гостинице "Селект".

Вглядись в экран прошедших лет!

В "Селект" вошел субъект.

На нем пиджак из чесучи
и темный котелок.
Собрал вокруг себя лучи
увесистый брелок.

Манишка и небрежный бант,
и запонки "Презент"…
Любитель скачек? Коммерсант?
Иль страховой агент?

Его не встретят здесь почет,
услужливость и лесть.
Охрана дома отдает
одним военным честь.

Ползет среди бетонных плит
уродливая тень,
и под ногой его гремит
железная ступень.

Подвал просторен и глубок.
В укромном месте гость
снимает черный котелок
и ставит в угол трость.

Неумолим, где нужно — нем,
в чужой крови скользя,
он долго будет занят тем,
о чем сказать нельзя.

Он вспомнил вдруг, прервав допрос,
что позабыл в пальто

П. Пикассо. Балерина
Цветная литография
Конец 20-х годов

коробку крепких папирос —
изделья Лопато.

Но он не встал и не рискнул
покинуть свой приют,
пока не сменят караул:
не ровен час — побьют!

Пинок, а иногда приклад
он получать привык…
Солдат, каков ни есть, — солдат,
а не палач и шпик!

Его пускали лишь с трудом,
с брезгливостью мужчин,
в ночной шантан, в позорный дом,
где девки пьют ханшин.

В туманной глубине зеркал,
когда сидел один,
свое подобье он искал,
позор своих седин.

В обьятьях дюжих вышибал
рычал и бился он,
кричал: "Я — Гелиогабал,
а может быть — Нерон!"

Чем кончил он, куда унес
свой черный котелок,
венец Венеры и склероз,
и лодзинский брелок?

Как призрак канул в каолян,
на роковой черте.

…В те годы Черный Атаман
свирепствовал в Чите.

И Атаман, борясь за власть,
в гостинице "Селект"
устроил Следственную Часть,
и в ней служил субъект.

1925 г. Чита

Николай Кузаков

РАЗБЕРЕМСЯ САМИ

(Окончание. Начало на 1 стр.).

боробам. Праздник книги из Читы разливался по всей области. Это было торжество духовной силы забайкальцев.

Сейчас большой костер забайкальской литературной осени потух, и вместо него горит в осеннюю недобрую ночь одинокий факел. Но я верю, что придет время, и он вспыхнет золотым пламенем и вновь осветит все Забайкалье.

Беда на писателей свалилась неожиданно. Грянула перестройка. Отцы демократии не стали на площадях сжигать книги, зачем заниматься детским баловством? У дерева, чтобы оно погибло, обрубают корни. А писателей лишили возможности издаваться. Чтобы издать книгу, писатель должен заплатить издателю от пятидесяти до ста миллионов рублей. У писателей таких денег нет. А любое дело, лишенное перспективы, обречено на гибель. Более изощренной расправы с писателями еще не знало человечество. Зато зарубежной бульварной сексуально-авантюрной литературе была дана широкая дорога. Так был опущен меч на истоки русской культуры.

Читинская писательская организация всегда была в центре культурной жизни Забайкалья. (Я никогда не умаляю достоинств и значимости других общественных культурно-просветительских организаций). Давайте хоть на минуту представим общество, у которого не было и нет писателей. Это же катастрофа. Нет писателей, нет библиотек, театров, кинофильмов, и песен нет. Общество во мраке. Мы сейчас помогаем выжить не писателям, а стараемся сохранить духовное здоровье нации, без которого она ничто. Очень важно это понять, чтобы не совершить самоубийства.

Читинские писатели понимают всю ответственность перед краем. Здесь сказался и забайкальский характер. Они не сломались, тихо, без крика делают свое дело. Главная их забота — молодое поколение, а это — будущее Забайкалья. Умный смотрит в прошлое, а мудрый — в будущее. За последние годы мы вырастили и приняли, вопреки всему, целую плеяду молодых писателей: Н. Ярославцева, В. Горможапова, А. Гордеева, О. Димова, Н. Юрконенко, Ю. Курца и В. Сажина.

Как видите, старшее поколение писателей, уходя, оставляет поле засеянным. Дорогие земляки, сделайте все, чтобы это поле не было вытоптано сапогом невежества.

Мы благодарим наших руководителей области за моральную поддержку, за то, что они делают все возможное, чтобы облегчить участь писателей и сохранить писательскую организацию.

И вдруг Общество любителей китайских копченых воробьев подняло шум: "Безобразие. Почему писательской организации оказывают помощь, а нам нет? Где демократия? Уравнять всех! Разогнать писательскую организацию." Вот так, ни больше, ни меньше, разогнать. Задумываются ли господа хорошие, на что они руку поднимают? Разрушать, так все под корень. Больно и стыдно за людей. Что с вами происходит? Очнитесь, господа. Неужели вы дальше жить не собираетесь?

По этому поводу мне вспомнилась одна таежная притча.

Над дремучей тайгой, как исполины, возвышались гольцы. Среди них самой высокой, своей вершиной подпирающей небо, была Священная гора, по которой боги спускались на землю, чтобы отдохнуть после трудов праведных. Каждое утро на заре на ее вершину поднимался Изюбр и могучими рогами подпирал тучи. А затем из его груди вырывался трубный голос, который, дробясь и ломаясь в ущельях, опускался в долину и будил тишину. И все живое с восторгом и гордостью смотрело на отважного смельчака, который на рогах держал грозовую тучу. От голоса Изюбра загоралась заря, всходило солнце и на землю приходил день. Творца зари, солнца и дня в своих песнях прославляли птицы.

Из своей норы на Изюбра смотрел Барсук, и его взяла зависть. И решил он подняться на Священную гору и поразить мир. Но с первого же утеса сорвался и побился о камни. Барсук кое-как встал, посмотрел на Изюбра, который на вершине Священной горы купался в розовых лучах молодого солнца, и проговорил:

— Дурак. Пусть на этих горах по ночам черти в чехарду играют. А у меня в норе не каплет.

Что поделаешь, каждому свое: рысаку ветер в гриву, а ишаку — длинные уши.

Господа из Общества любителей китайских копченых воробьев, занимайтесь своим любимым ремеслом, не страдайте от зависти — дело это черное, не благородное.

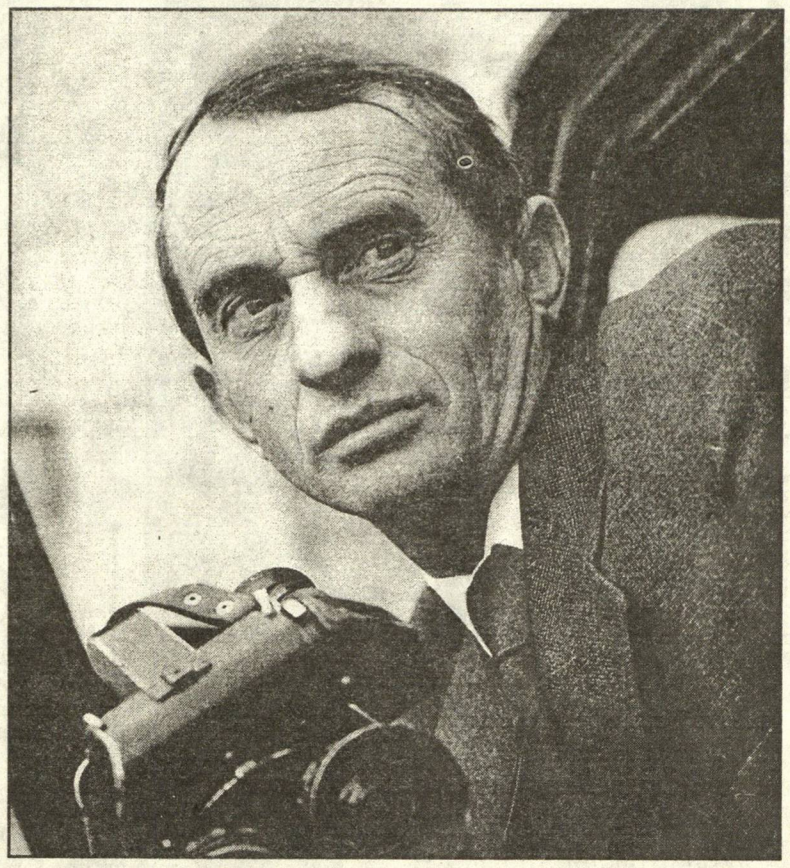
А мы в писательских делах как-нибудь разберемся сами без вашей помощи. ■

За большой вклад в социально-экономическое и культурное развитие Забайкалья и в связи с 60-летием образования Читинской области почетное звание "Заслуженный деятель культуры и искусства Читинской области" присвоено телеоператору Читинской государственной телевизионной и радиовещательной компании Николаю Евгеньевичу Осипову.

Алексей Осипов

О ТОМ, ЧТО В ЖИЗНИ НЕ ЗАБУДЕШЬ ТЫ...

Он всегда шел "тропою первых..." И на радио, где появился в конце пятидесятых годов, имея за плечами пединститут со сталинской стипендией", малый опыт учительства в школе... и полное отсутствие представления о сложившихся канонах радиожурналистики. Но пришло время ломки устоявшегося и Николай, как говорится, с головой окунулся в новое дело. В те годы голос Читинского радио становится более теплым, человечным, живым. Молодой журналист Осипов исколесил тогда все Забайкалье. Но его "первой любовью" стал Красный Чикой. Его люди, его песни, его самобытный "семейский уклад жизни в очерках и репортажах обрел широкую известность.

В начале шестидесятых годов пришла к неутомимому репортеру и его "вторая любовь" — Удокан и Байкало-Амурская магистраль. Еще никто толком и не слыхивал об этих северных проектах, а Николай Осипов уже загорелся новой темой, которая стала для него главной на многие годы. БАМ он прошел, как говорится, от первого колышка до "золотого" звена. Уже работая оператором на телевидении, он поставил рекорд оперативности — за какие-то сутки сумел побывать в Чаре на укладке "серебряного звена" БАМа, вернуться в Читу и выдать в эфир репортаж.

Многие годы Николай Осипов снимал репортажи не только для Читинского телеэкрана, но и для программ "Время" и "Новости" Центрального телевидения. Это были короткие, динамичные сюжеты не только с БАМа и Удокана, но и чабанской стоянки, завода, шахты, пограничной заставы... Благодаря им страна узнавала как живет наш край за Байкалом, как прекрасна здесь природа, какие перспективы развития экономики могут быть раскрыты в области.

Николай Евгеньевич Осипов и сегодня ведет телевизионную летопись Забайкалья. Старейшина операторского цеха каждый год 1 октября поздравляют коллег с праздником. Молодые удивляются — что, дескать, за праздник? Ровесники с пониманием крепко жмут руку... Тридцать четыре года назад, 1 октября 1963 года в Чите вышла в эфир первая местная телевизионная передача и у истоков ее стоял он, ветеран тележурналистики Николай Осипов.

* * *

В фонотеке Читинского радио есть уникальная запись. Она давно не звучала в эфире и сохранилась, может быть, еще где-нибудь на первых катушечных магнитофонах у старых забайкальских геологов. Запись песни Эдуарда Гринталя, геолога, лауреата Ленинской премии, одного из первооткрывателей Удокана сделал Николай Осипов.

Мы публикуем этот малоизвестный стихотворный текст.

Дорогой этой мы не раз, товарищ,
Прошли с тобой и в стужу, и в туман.
Со многими на ней мы расставались,
С другими шли по ней на Удокан...
Опять в углу всю ночь ворчит печурка
И быт таежный снова входит к нам...
Все пополам — от крова до окурка,
И грусть мужская тоже пополам.
Сыграй мне на простуженной гитаре
О том, что в жизни не забудешь ты:
О снежной белизне, о речке Чаре,
Про часто неприступные хребты...
Поет гитара, завывает вьюга,
Спеша нам рассказать наперебой,
Как жили здесь два поседевших друга —
Седой геолог, Удокан седой.
И о друзьях, что версты истоптали,
И как прошли — не верилось потом...
И как теплом друг друга согревали,
Обнявшись крепко под шальным дождем...
Как по болотам и скалистым высям
И в летний зной, и в снежную метель,
Шли пачки вечно долгожданных писем,
К нам опоздав на несколько недель.
Как подружили молотки и скалы,
И как в немой заснеженной дали
Немало гор лопатой ископали,
В глубины недр забои увели.
А за окном метель поет и кружит,
Уходит дней минувших караван...
А мы из тех же из обитых кружек
С тобою выпьем вновь за Удокан! ■

СЕРДЕЧНОЕ

Михаил Вишняков

ЭХО ПРОШЕДШЕГО ЛЕТА

Ирине Муравьевой

Эхо прошедшего лета:
свежесть и зелень полей,
вьюшками ветра согретый
густо синел Арахлей.

Острые волны качались,
но не штормили всерьез,
лишь поводили плечами
русых озерных берез.

Все это было, как будто
брызги прибрежной косы,
шесть или семь незабудок
в тонких колечках росы.
Память не знает утраты,
если с открытой душой...
Как Вы там, в Малом театре,
с грустью на сердце большой?

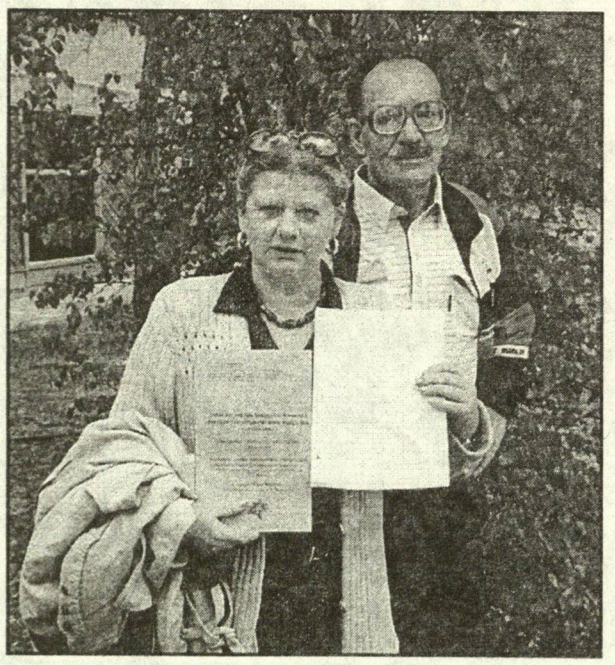

Фото Виктора Дианова

СОЛОВЬИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Виктория Изгайлова

* * *

Нерасчетливы, неловки,
Но достаточно легки,
Эти божии коровки
На воде, как поплавки.
Их уносит ветер к морю
И бросает на волну,
А они, с бедою споря,
Не хотят идти ко дну.
Я стою в воде по пояс,
Потеряв беднягам счет,
Начинаю робкий поиск
Тех, что держатся еще.
Не сижу, не загораю,
Кушать персик не спешу.
Все коровок собираю
И на берег выношу.
Там на тонком желтом пледе
Мама с книжечкой лежит
И коровок от соседей
Беспокойных сторожит,
С обожженной солнцем кожей,
В темных дымчатых очках.
И сама она похожа
На такого же жучка.
А потом шагаем к дому,
Плед закутав в целлофан,
А спасенных насекомых
Усадив на сарафан.
Обсыхают, улетают,
С нами им не по пути...
Мама тихо дни считает:
Скоро тоже — улетим.

Федор Кренделев

* * *

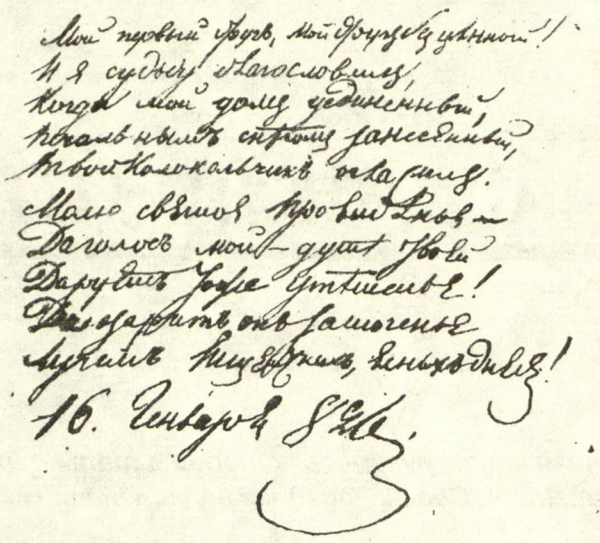
Руки твои — длинные,
белые...
Губы твои — мягкие,
смелые...
Голос глубокий, хороший,
ласкающий,
Взгляд твой — доверчивый, знающий...
Все это помню
И очень легко мне.
Очень легко мне,
И так хорошо...
Как хорошо, что тебя я нашел
В этом большом и разбросанном свете!
Как хорошо,
Что мы — взрослые дети!

1964 г.

Нина Лапенкова,

директор областной библиотеки им. А.С. Пушкина

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословляю,
Когда мой дом уединенный
Печальных сирот посещаешь,
И в колокольчиках веселых
Мало-помалу пробуждаешь
Заснувших Муз — дитя Свободы!
Даруешь ты Зефиру ухо!
Благодаришь ты вдохновенье
Лукавый Пушкин, Сальвандый!

16. Января

Автограф Ивана Пущина на книге И.Г. Циммермана "Уединение. Его влияние на разум и чувства".

Хранился в областной библиотеке, утрачен в 1987 г.

●

Еще когда на Руси не было профессиональных литераторов, наш край уже мог гордиться своим первым бытописателем, политическим борцом, опальным протопопом Аввакумом, волею царя Алексея Михайловича сосланным в Забайкалье.

На забайкальском материале Аввакум создал свое бессмертное "Житие", ставшее одним из шедевров русской и мировой литературы.

С портрета работы советского художника Ильи Глазунова.

«УМАМ ПРИНАДЛЕЖАТ ЭПОХИ. А ВЕЧНОСТЬ ОТДАНА СЕРДЦАМ»

Были ли основания для открытия при областной библиотеке им. А.С. Пушкина Литературного музея Забайкалья? Были. Произведения наших писателей к этому времени давно перешагнули границы не только Читинской области, но и страны. Книги Константина Седых, Оскара Хавкина, Ильи Лаврова, Георгия Граубина, Жамьяна Балданжабона, Виля Липатова, впервые изданные в Чите, были переведены на многие языки и нашли своего читателя в различных странах мира. Да и сама инициатива создания музея принадлежит писателям. В феврале 1963 года старейшина агинских литераторов Жамьян Балданжабон обратился к писателям, участникам отчетно-выборной конференции с предложением: "У меня зародилась мысль выступить перед Вами и внести предложение об открытии в Чите литературного музея на общественных началах, где могли бы услышать звон "Колокола" и "Полярной звезды" Герцена, встретиться с деятелями культуры. Велика будет роль музея в воспитании литературной молодежи и всего подрастающего поколения". С таким же предложением неоднократно выступал и Евгений Петряев, писатель, краевед, исследователь самых труднодоступных и забытых страниц забайкальской культуры.

В 1967 году областным управлением культуры было принято положение о Литературном музее Забайкалья, в котором, в частности, отмечалось, что с историко-литературной точки зрения наш край представляет крайне неисследованную область, имеющую до сих пор множество не обнаруженных реликвий, связанных с именами А.С. Пушкина, Н.Г. Чернышевского, декабристов, поэта-демократа М.Л. Михайлова, В.Я. Кокосова, П.А. Кропоткина и многих, многих других исследователей, путешественников, ученых, литераторов. В первый совет Литературного музея Забайкалья вошли журналисты, писатели, сотрудники краеведческого музея и областного архива. Всю первоначальную работу по сбору материалов, его систематизации вела группа библиографов областной библиотеки и краеведов города: Раиса Цуприк, Виктор Казимиров, Анатолий Татуйко, Николай Дворниченко, Виктор Балабанов. Научным консультантом и идейным руководителем был Евгений Петряев, в то время трудившийся над созданием Литературного музея в г. Кирове.

Стараниями этих людей был собран богатейший материал, включающий уникальные издания из истории забайкальской литературы, ставшие библиографической редкостью, книги с автографами писателей, рукописи, письма, фотографии.

Уже в первые годы проходят литературные вечера и оформляются книжно-иллюстративные выставки, посвященные творчеству К.Ф. Седых, Г.И. Шелеста, Е.Д. Петряева, Ф.В. Гладкова, В.И. Балябина, Н.Т. Ященко, О.А. Хавкина, О.П. Смирнова, В.Г. Никонова, организуется первая в истории Забайкалья выставка экслибрисов, выставка редких книг из домашних библиотек читинцев. Фонды музея пополнялись, и небольшая комната была уже не в состоянии вместить их.

И только с получением нового прекрасного здания появилась возможность оформления постояннодействующих выставок. Кстати, первый вариант экспозиций и стендов музея по собственным эскизам выполнил директор шахтостроя, большой книголюб и сам автор книги очерков "Страна моя, Даурия" Юрий Девитте. На этих, несколько громоздких, но от души подаренных библиотеке, стендах и получила прописку первая фундаментально-подготовленная библиографами областной библиотеки Р. Цуприк, Т. Коршуновой, К. Сапожниковой, Л. Пак постояннодействующая экспозиция на тему "Биография забайкальской литературы", открытие которой было приурочено к литературному празднику "Забайкальская осень — 73" и 25-летию Читинской писательской организации.

Тысячи читинцев и гостей города имели возможность познакомиться с историей забайкальской литературы от протопопа Аввакума, выдающегося русского писателя XVII века, ревностного сторонника старообрядчества, одного из первых каторжников и бытописцев нашего края, автора "Жития", ставшего ценнейшим памятником древнерусской литературы — до наших дней. На 26 новых стендах музея получили прописку свыше 80 писателей, жизнь и творчество которых в разные годы самым тесным образом были связаны с Забайкальем. Выставка имела несколько разделов: "Писатели старого Забайкалья", "Революцией рожденные", "У истоков новой литературы", "Литература Забайкальского фронта", "Деятельность Читинской писательской организации".

Большую помощь в подготовке стенда "Литература Агинских степей" оказали известные агинские краеведы: Ж. Доржиев и Б. Шагдаров. А оформляли эту уникальную выставку доморощенные художники-любители библиотеки Борис Демьянов и Василий Проценко.

Шли годы, фонды музея активно продолжали пополняться мемориальными экспонатами, авторскими оригиналами рисунков художников-иллюстраторов книг, подлинными рукописями литераторов Забайкалья. И вновь стенды оказались не в состоянии вместить все многообразие собранного материала. И тогда заказали с помощью областного Управления культуры в Астрахани специальные музейные витрины и установили их не только на галереях вестибюля библиотеки, но и в зале, который библиотекари и читатели называют

Пушкинским. В зале — картины художника Бориса Чередника "Пушкин на заседании тайного общества в Каменке", "Пушкин и Пущин", "Приезд М. Волконской в ссылку к мужу", небольшая скульптура — копия памятника А.С. Пушкину в Санкт-Петербурге А.М. Опекушина. В этом зале и получили прописку первые 9 стендов уже обновленного музея: А. Одоевскому — автору ответного послания А. Пушкину на стихотворение "В Сибирь", известного стихотворения, посвященного М. Волконской ("Был край слезам и скорби посвященный..."), В. Кюхельбекеру, Н. Бестужеву, М. Лунину, И. Пущину, которому адресовал стихотворный привет А.С. Пушкин: "Мой первый друг, мой друг бесценный".

Работа по обновлению стендов, созданию экспозиций музея на этот раз проходила под руководством главного библиографа-краеведа областной библиотеки И.Г. Куренной, ей активно помогали в этом В.Г. Кукулеску, заведующая справочно-библиографическим отделом и ведущий библиограф Т.А. Жвакина.

Все трое, заслуженные работники культуры России, не считаясь со временем, абсолютно на общественных началах в кратчайшие сроки закончили монтаж стендов и в мае 1987 года новая экспозиция, обновившая и изменившая музей коренным образом, приняла своих первых посетителей.

Фонды Литературного музея к этому времени уже насчитывали свыше 4 тысяч экспонатов и существенно пополнились новыми находками, интереснейшими документами и фотографиями. Гораздо шире и полнее на обновленных стендах представлена современная литературная жизнь Забайкалья, книги В. Лавринайтиса, В. Никонова, Г. Донца, Н. Кузакова, Е. Куренного, Б. Макарова, Г. Кобякова, С. Зарубина, Р. Филиппова, В. Озолина, А. Жамбалона. Значительное место уделено традиционным праздникам "Забайкальская осень", а также становлению периодической печати — начиная от "Забайкальских областных ведомостей".

С большой любовью оформляли стенды художники-профессионалы Владимир Шадрин и Елена Прокофьева. А Володе Шадрину так полюбилась работа в библиотеке, что он перешел к нам на постоянную работу и уже много лет его талант и золотые руки служат созданию интерьеров и уюта в отделах и залах библиотеки.

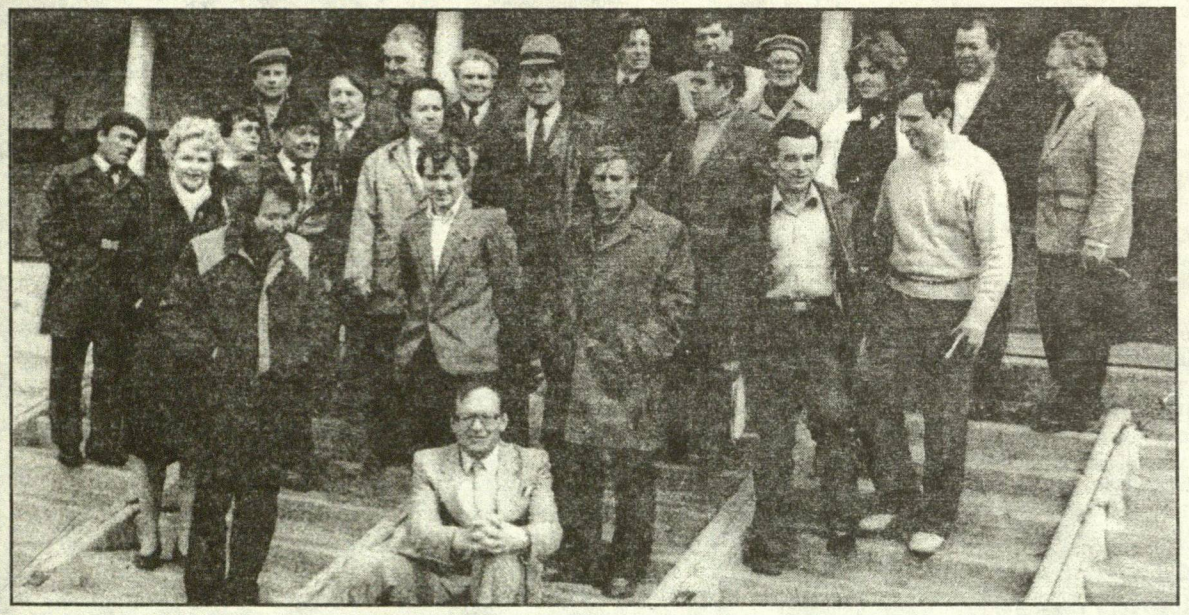
О значении музея в культурной жизни города и области свидетельствуют многочисленные записи в Книге-альбоме отзывов. Кстати, самые первые и очень дорогие для нас записи оставили в этой книге: Булат Окуджава, Марк Сергеев, Олег Смирнов, Николай Шемелин, Евгений Петряев, Николай Савостин, а Евгений Раппопорт оставил вот такие восторженные строки: "Как здорово, что в Сибири есть свой Литературный музей. Он — единственный за Уралом!"

Исполняется 30 лет Литературному музею Забайкалья. За эти годы пора бы уже привыкнуть к его экспозициям и фотовыставкам. Ан нет! Каждый раз, проходя мимо стендов музея, еще и еще раз вглядываясь в лица удивительных, замечательных людей, совершивших в свое время "подвиг любви бескорыстной", любви к своим родным и близким, отечеству, нашему суровому забайкальскому краю, испытываю трепет и волнение. И приходят на память строки стихотворения Ростислава Филиппова: "Умам принадлежат эпохи. А вечность отдана сердцам".

■

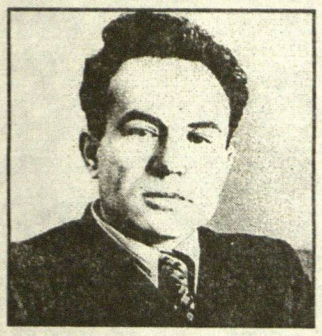

Иллюстрации к странице подготовила главный библиограф-краевед Ирина Куренная.

Совещание молодых писателей в Чите. 1988 г. Руководитель совещания Евгений Куренной. На снимке вверху справа—у стендов литературного музея.

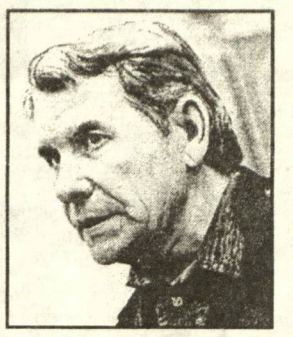
Константин Седых

ДАУРИЯ

...А НАЧИНАЛСЯ ОН ПОЭТОМ

Василий Никонов

"Забайкальские писатели" — будущая книга, рукопись которой я только что закончил. Один из очерков — "Константин Седых" предлагаю читателям "Читы литературной".

Роман "Даурия" — эпопея жизни забайкальских казаков — стала настольной книгой. Какой бы тираж не печатали издательства — все равно было мало. Роман покупали в складчину, поскольку был дороговат по тем временам. Собирались в чьей-нибудь избе, читали вслух при ламповом освещении.

Константин Седых родился 6 января 1908 года, в поселке Поперечный Зерентуй Нерчинско-Заводского района Читинской области. В самом пекле каторги и ссылки, в краю декабристов, разного пришлого люда.

Учился Седых в нерчинско-заводской школе, писал заметки в газеты. Общественная деятельность привлекла к нему внимание руководителей губкома партии. Вызванный в город, он стал учиться в Читинском педтехникуме, сотрудничал в газетах "Забайкальский рабочий", "Забайкальский крестьянин".

Литературное творчество Седых начал с поэзии. За десять лет, начиная с 1920 года, написал множество стихов, они вошли в сборники "Забайкалье", "Сердце", "Родная степь", "Праздник весеннего сева", "Первая любовь". Были еще — "Над степью — солнце", "Солнечный край". Темы стихов — тяжелое прошлое Забайкалье, людские трагедии в тюрьмах и каторгах. Многие стихи посвящены гражданской войне, революции, жизни, быту казачества. Первые стихи грешили описательностью, подражанием Есенину.

В 1931 году Седых уехал в Иркутск, а через два года вышел сборник его первых стихов. В годы Великой Отечественной войны служил в Советской Армии, работал корреспондентом газеты "На боевом посту" в Чите, в "Героической красноармейской" — в Иркутстке. Писал стихи, очерки, рассказы на военные темы.

Наше знакомство с Седых было малоприятным. Это случилось в годы работы его в Чите. Литературная жизнь только зарождалась, мы собирались в так называемом Доме актера, в полуслепом подвальном помещении. Говорили, что в годы гражданской войны в нем был семеновский застенок. Читали стихи, спорили о поэзии. Однажды на литературном вечере вышел на сцену коренастый, широкоплечий мужчина, с открытым, притягивающим взглядом, стал ровно, монотонно, чуть заикаясь, читать свои стихи. Было в его обличии много забайкальского, с едва приметной примесью чужой крови. Он читал стихотворение о паровозах, которые помогали фронту в Великую Отечественную.

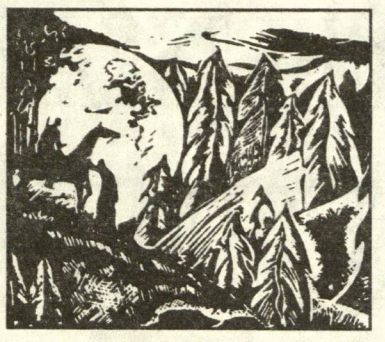
Я ни разу не выступал на литературных диспутах, считал себя не подготовленным. Но тут насмелился, вышел на сцену, стал критиковать седыховские стихи. Он недоуменно смотрел на меня, широко раскрывал глаза, вскидывал брови-мохнашки. Это стихотворение он считал одним из лучших. Он снова вышел на сцену, стал критиковать меня, заикаясь больше обычного. Мою тупость, глупость, необразованность. Зал был согласен с ним.

Несмотря на этот нескладный эпизод, мы как-то сразу сошлись с Седых — по жизни, по литературе. Скажу больше — понравились друг другу. Он понял мою несостоятельность и — простил. Стал называть меня просто — Вася. Я не сразу привык к такому короткому обращению, хотя понимал — оно дружеское. Тринадцать лет разницы в возрасте не могли быть препятствием в наших отношениях. Такой уж у меня характер — не сразу добрел душой и сердцем. Детство было тяжелым: с трех лет без матери, отца видел годом да родом. Он жил в тайге, жег уголь для кузниц. Думаю, этим можно объяснить мою "дикость".

Более близко я сошелся с Константином Федоровичем в те годы, когда он приехал в Читу заканчивать "Даурию". Ходили слухи, что он не ладил с Георгием Марковым, эта неприязнь была, как будто, обоюдная. Роман Маркова "Строговы" вышел в 1939 году. В этом же году печатались главы "Даурии" в альманахе "Новая Сибирь". Марков был младше Седых на два года, но литературный опыт его оказался более зрелым. Не знаю, говорю по слухам, и, наверное, зря говорю. Не люблю сплетен, хотя бы потому, что они стреляют прямо в сердце и без осечки.

В Чите Седых жил холодно и голодно. В подвальном помещении, с женой и двумя ребятами. Был страдальцем на манер Аввакума. Даже бумаги не было для письма. Покупал портреты Сталина — они печатались на мелованной бумаге, дешево стоили. Резал на четвертушки, писал. Об этом через несколько лет он тайно признался мне во время недолгой "оттепели".

Первое издание "Даурии" вышло в Чите, редактировал роман Борис Костюковский. Мы еще не осознали всех достоинств этой замечательной книги,

да и сам автор по скромности не обольщался. Пока не заговорил господин Народ. Смехотворный тираж в десять тысяч разлетелся мгновенно. Правда, и объем был солидным — сорок пять печатных листов.

Признание художника, его книги — одна сторона, пусть приятная во всех отношениях. Другая, не менее важная — недоброжелательство. Будучи в Чите, Твардовский с удовольствием прочел "Даурию", сказал, что повезет ее в Москву, представит на премию. Но не дремали и противники Седых. В Москву, в Союз писателей полетели кляузные депеши. Ахиллесовой пятой книги считалось то обстоятельство, что писатель Седых был сыном поселкового атамана, его социальное прошлое не вызывает доверия. Попросту сказать, он — враг народа. Вытащили на свет якобы негативное отношение к "Даурии" Фадеева, бывшего тогда генсеком Союза писателей. Будто он сказал, что не знает другого писателя, кто бы так рабски подражал Шолохову. Байки есть байки, про Шолохова до сих пор твердят, что "Тихий Дон" не его роман, а какого-то казака Крюкова. Слов нет, преемственность тут есть, зависимость — как сказать. Разве книги о революции не похожи друг на друга? Сюжетно эти два романа схожи. Но боже мой! Если лезть в эти дебри, то окажется "На дне" Горького очень похоже на повествование про отца Горио. "Кому жить на Руси" Некрасова! Сколько таких молодцов-ходоков бродили и бродят по книжкам многих писателей. Казаки Шолохова и казаки Седых — они же разные. Другая природа, быт, нравы, обычаи. Я не думаю, что Фадеев мог впрямь сказать такие слова, хотя человек он был по натуре довольно резким.

Но — спичка вспыхнула, огонь загорелся. Сталинская премия повисла в воздухе. Седых не знал, что делать, обычно он терялся в такой острой закулисной борьбе. На помощь пришел неутомимый Борис Костюковский. Этот, наоборот, бросался в гущу битвы и часто выходил победителем. Он тут же набросал план действий. Надо взять чемодан "Даурий", поехать в Москву, поднимать забайкальское казачество-землячество. Там силы были немалые: Губельман, братья Шиловы, другие не менее знатные революционеры. Подарить им книги, устроить вечеринку, пусть чубатые пообщаются, сговорятся, как действовать. Самых именитых пригласить в Союз писателей на заседание приемной комиссии. Взнуздай себя и — алюр три креста!

Далее события резво пошагали в гору. Роман получил-таки Сталинскую премию второй степени. Двадцать пять целковых — такие деньги Седых во сне не снились. В это же примерно время "Даурия" попала на глаза Сталину. Прочел он и то, что говорили критики о романе, мол, слабо показан рабочий класс. На этом коньке ехали многие недоброжелатели. И он, к несчастью, никогда не спотыкался. Но тут конек захромал на все четыре ноги. Сталин сказал.

— Хороший роман, ничего больше не нужно.

Роман был запущен в работу в девятнадцати издательствах. Седых судорожно дописывал "рабочие" главы. Издатели втискивали их в произведение. Но после слов Сталина процесс повернулся на сто восемьдесят градусов — стали изымать наспех написанные главы.

Седых приехал с медалью лауреата. В парке Дома офицеров висел его портрет во весь рост, с медалькой. Я видел самодовольное лицо Константина Федоровича, не мог не дивиться разительной перемене. Лицо было напыщенным, с отвислой губой. Говорок стал поленивей. Взгляд стал иным — для "больших" и "малых". И тут я вспомнил хорошие слова Горького: славу нужно пить маленькими глотками, чтоб не опьянеть.

Седых внимательно следил за моим творчеством. Я поднимался трудно. Были способности, знание жизни — не хватало образования, масштаба мышления, общения, — вообще культуры. Но одно из стихотворений Константину Федоровичу понравилось — про сенокос. На одном из семинаров он прочел его вслух, сказал.

— Вот так надо писать!

И тут же разгромил мою поэму "Родной край" — о партизанском движении в Забайкалье. Уж чего-чего, а с этой темой он ложился спать и вставал с ней же.

Седых разглядел в моих глазах разочарование. Похлопал по плечу, сказал весело:

— Ничего, шея толстая — выдержишь.

Шея была толстой, да ум тонковат.

Седых сетовал, что все деньги забирает его жена.

— Но есть одно издательство. — Он подмигнут мне, будто соучастнику, — Магаданское. Жена не знает, а я получу сто тысяч рублей. А ей — фигу!

Ну да: у нее — миллионы, у него — тысячи.

Интересно еще одно признание Константина Федоровича, он говорил об этом не только мне.

— Есть одно трехтомное издание, называется "Забайкальские казаки". Я половину переписал из него.

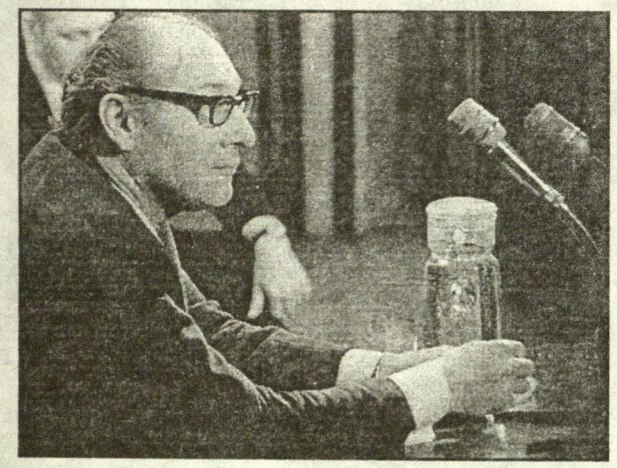
Не знаю, шутка это или правда.

Последний раз я встречался с Константином Федоровичем в гостинице "Забайкалье", когда он приехал на премьеру спектакля "Даурия". Он был уже больным человеком. Какие-то тяжкие бури пронеслись над его усталой головой. И все просил жену Таню не открывать окна — боялся сквозняка. Чувствовалась утрата интереса к жизни, к литературе. Семьдесят лет — он умер в 1979 году — это зрелая пора творчества, когда видны все горизонты, узнана правда, какую искал всю жизнь. У каждого своя жизнь, каждому воздается по заслугам. Заслуги писателя Седых велики, признаны поколениями читателей. И нет большей награды для него, когда народ называет его народным писателем.

На "Даурии" в первом издании Седых написал мне: "Уважаемому Василию Григорьевичу Никонову, воспевающему наше солнечное Забайкалье. С самыми сердечными пожеланиями новых творческих удач". На сборнике стихов "Солнечный край" — следующая надпись: "Милейшему и уважаемому Василию Никонову, талантливому нашему поэту с самыми лучшими пожеланиями".

Наверно, он все-таки верил в меня, думаю, что так.

Мы любили друг друга, жили душа в душу с этим сердечным человеком, несмотря на все замысловатые зигзаги в нашей жизни. ■

Запомнилась одна поучительная встреча с военными в Доме офицеров. Седых спросили: "Где сейчас Роман Улыбин, что делает?" Тут автор пустился в пространное рассуждение о художественном вымысле, что на самом деле такого человека не было — он выдуман. Образ создается фантазией на основании реальных фактов...

Зал сразу стих, помрачнел — ему не понравилось вранье в романе. Он не знал теории литературы, ему нужен был герой настоящий, а не вымышленный.

Когда закончилась встреча, Костюковский ястребом налетел на неудачного оратора.

— Что ты мямлил? Улыбина не было, создал его фантазией! Нужна была слушателям твоя фантазия. Был Роман Улыбин, понимаешь, был! Воевал в Отечественную, получил звание Героя Советского Союза. Сейчас генерал-лейтенант, командует танковой частью. Вот что ты должен сказать, а не кашу размазывать...

Седых сидел, вздыхал и охал, смотрел на Бориса во все глаза.

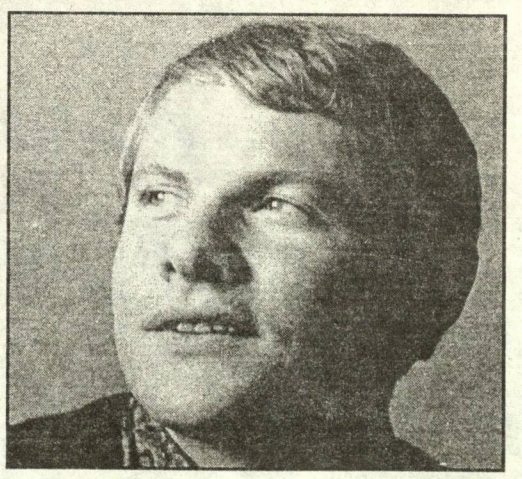
— Ну, жох ты, парень Борис! Да как же я врать-то буду!

■

НА СНИМКАХ: режиссер сериала по роману Константина Седых "Даурия" Виктор Тригубович на встрече с читинскими зрителями на премьере кинофильма в 1972 г.;

Виталий Соломин в роли Романа Улыбина.

Фото Виктора Дианова

СЛОВО О СЛОВЕ

«ЭТИ СЛЕЗЫ ДОЛЖНЫ ПРОЛИТЬСЯ...»

Поэт — невольник биографии, поэтесса — ее пленница. Поставим первую отметину — Елена Ерофеева родилась в Москве на Чистых прудах. Училась в строительном институте, закончила Литературный институт им. А.М. Горького. Выехала замуж (ради экзотики?) в Читу. Издала книжку стихов "Кантата состояний" в 1993 г.

Вторая отметина: пишет, значит, дышит. Лирическая исповедь Елены Ерофеевой пронзительна, ревнива, многочувственна. Сердце не понимает отбора и выбора: "За какие грехи насылаются черные грозы?", "Глаза слезятся и мигают, когда глядят на журавлей", "Зачем душа беспамятна и лжива?", "Я сухо и зло улыбнусь", "Неужто я сломаюсь и смирюсь?", "Я женщина. Я грех и месть. Бабенка, павшая на лесть"... Много законченных формул, характеристик, заявлений, приклеенных этикеток. Желание высказаться взахлеб, сразу, безоглядно, выпивая чашу наслаждения в один дых! Вот вам!

Что ж, и это было: Марина Цветаева могла и похлеще...

Третья отметина: Елена Ерофеева становится художником, рисующим более глубокие и сложные картины Бытия. Много примеров на ощупь приходящего мастерства, зреющего опыта изящной словесности:

"Кому на свете нужен ты,
ребенок, кроме матери?
Да вовсе никому"

* * *

"Ни друга вокруг, ни брата,
сердит скорпионов ряд.
Горела земля когда-то.
Сегодня сердца горят"

* * *

Стареющей красавицы стихи
полны беды, фатальной обреченности,
ненужной и напыщенной учености,
ревнивой и банальной чепухи.

Гм-гм... Не громко ли сказано? Отнюдь. Книга "Белая трещина неба" подтверждает это. Без громких заявок, пышных презентаций в прессе, покровительственного внимания именитостей Читы на наших глазах идет становление Поэта. Профессионального работника литературы. Окрыленность приходит ко всем, опыт художественного освоения мира — к единицам.

Последняя отметина: кому больше дано, с того и больше спросится...

Обозреватель "ЧЛ".

Одна из иллюстраций художника Юрия Круглова к книге "Белая трещина неба".

Алексей Русанов

После многих трудных лет геологи подсчитали запасы удоканской меди. Цифра ошеломила. Это было уникальное месторождение не только по качеству и содержанию в руде ценного для современной промышленности металла — меди, но и по величине его запасов. Вряд ли в мире известно еще одно-два подобных месторождения.

Труднодоступность медной горы удручала. По прямой от транссибирской магистрали до Удокана было более шестисот километров. В Чару добирались только по воздуху. Иногда снаряжали автообозы по северным рекам зимой. Именно так завозили оборудование и снаряжение геологических партий, начавших усиленную разведку северного края.

Потребности геологов быстро росли. Зимники — ледовые трассы на Удокан — существовали условно и действовали только зимой.

Один ответственный работник министерства геологии как-то заметил *первооткрывателю Удокана Елизавете* Буровой: "Вы бы еще на Луне открыли месторождение!". Каков упрек: вроде бы геологи виноваты в том, что такое богатство оказалось в неудобном месте. Тем не менее, в правительстве начали думать о том, чтобы проложить дорогу к медной горе. Не зря говорили древние Via est vita — дорога — это жизнь. Без дороги, без магистрали открытые богатства теряли свою ценность.

На восточной окраине Могочи расположилась Удоканская экспедиция. Мощные сооружения: гаражи, ремонтные мастерские и огромные склады. В экспедиции было немного народу, но важность участка в геологической службе Забайкалья была огромна. Отсюда зимой на Север шли грузы для многих геологоразведочных экспедиций.

После открытия Удоканского месторождения началось интенсивное геологическое изучение района.

В начале декабря отправлялся первый маршрут. Он должен проложить трассу зимника и открыть доставку грузов в Чару.

Первый автозимник проложили в 1960 году. А потом стали из года в год наращивать объемы перевозок.

Семь лет спустя, снова настало время открывать трассу в Намингу.

Иван Никитович Селютин, крепкоскроенный, рослый мужик с вечно обветренным лицом и крупным красным носом, собрал шоферов в кабинете. Прежде он первым на вездеходе шел во главе колонны и пробивал дорогу. На этот раз руководителем колонны назначил своего заместителя Сергея Никифоровича Копулина. Командирским голосом называл фамилии. Люди поднимались, говорили "Есть!" Он читал список: Горячев, Гаврилов, Киселев, Фролов, Переломов, Соловьев, Сенотрусов, Жарков, Новиченко, Шуляк, Локтюшкин, Мальцев...

— Для ровного счета на пробивку трассы пойдет двенадцать машин, думаю, дюжины хватит.

Никто не возражал. Все давно ждали этого дня. Все лето сидели на окладах, делали разную работу, конечно же, ремонтировали машины, готовились к рейсу. Теперь предстояло самое главное, для чего они и существовали — перебросить грузы, технику на Север. Конечно, трудностей немало впереди: морозы, бессонные ночи, пурга, наледи, поломки грузовиков. Но и заработки. Каждый стремился попасть в маршрут. На зимнем завозе зарабатывали хорошо. Желающих было много. Отбирали самых опытных водителей, крепких и сильных, не теряющих голову в самых трудных обстоятельствах и не пристрастных к выпивке.

На ночевках, конечно, выпивали "для сугреву", но никто не злоупотреблял спиртным. Насчет этого было строго. При первом же сигнале Селютин отстранял нарушителей негласного закона.

4 декабря рано утром выстроилась колонна тяжелых грузовиков ЗИЛ-157

VIA EST VITA

— самых мощных по тем временам. Водители стояли у машин. В меховых куртках, унтах, добротных шапках. На крыльцо конторы вышел Иван Никитич. Он умел сказать напутственное. Без риторических красивостей, дельное, доходящее до сердца. И на этот раз подчеркнул, чтобы отдыхали положенные шесть часов — не менее и не засиживались в зимовейках. Известно, что накрутившись баранку за день, люди стараются поделиться впечатлениями и разговоры длятся заполночь, а в пять утра надо продолжать путь.

— Каждый водитель должен отдыхать нормально.

В заключение короткой речи скомандовал:

— По машинам!

Колонна двинулась в путь.

Многие могочинцы вышли на улицу и взглядом провожали тяжелогруженные машины, бензовозы.

Колонна миновала мост через Амазар и двинулась вверх по трассе.

Перед тем дорогу до Тупика — районного центра Тунгиро-Олекминского района — тщательно ремонтировали. И хотя шоссе не было покрыто асфальтом, машины шли легко, без труда преодолевали многочисленные мостики.

Не прошло и двух часов, как колонна, преодолев перевал Яблочкина хребта, приближалась к Тупику.

Здесь шоссе обрывалось. Дальше дорога шла по Тунгиру. Скорость колонны резко снизилась. На реке встречались торосы. Чтобы объехать их машины прижимались к берегу. И тут их поджидали "сюрпризы". Десять машин прошло, а одиннадцатая провалилась в пустоту. Копулин, шедший во главе колонны, увидел, как грузовик Юрия Киселева осел, а водитель выскочил из кабины.

Горные речки промерзают иногда до дна, а иногда вода уходит под другой берег, а лед остается на весу. В такую ловушку и попала машина Киселева. Колонна остановилась. Достали трос, взяли на буксир провалившийся грузовик и не без хлопот, наконец, вызволили его из ледового плена. Настроение было веселое. Вроде бы даже радовались, что случилось такое. Все были готовы к неожиданностям и даже верили в примету: если сначала будут неприятности, то потом все пойдет, как по маслу. И наоборот, если сначала, вроде бы, все идет нормально, то под конец нахлебаешься каши.

Двинулись дальше. Короткий зимний день подходил к концу, когда показалась зимовейка. Здесь — первый привал.

У Фомича было жарко натоплено. На нарах расстелено душистое сено, матрацы. На печке булькал огромный чайник.

Колонну выстроили на площадке и оставили работать двигатели на малых оборотах, чтобы не застыли. На сорокаградусном морозе завести мотор не так просто. Когда водители будут спать, Фомич станет сторожить колонну и следить, чтобы мотор ненароком не заглох.

Выпили за первый удачный день, почаевали. Стол был богатый — каждый из дому набрал всякой снеди. Да еще Фомич угостил жареной рыбой — не то налим, не то щука — румяные куски ее быстро поглотили шоферы. А под выпивку принес миску мороженого хариуса. Его ели "врасколотку". Брали небольшую рыбку за хвост и колотили по полену. Мерзлая, она разламывалась на две половинки, легко снималась шкурка, отделялся позвонок. Розовое мерзлое мясо хариуса солили, макали в перец, и уксус и после рюмки со смаком закусывали. Рыбка таяла во рту.

Пиршество длилось недолго. Копулин велел отдыхать. Сам же пошел посмотреть машины, полчаса разговаривал с Фомичем.

В пять утра все были не ногах. Позавтракали основательно и, собрав вещи, разошлись по машинам. Освещая долину, колонна двинулась дальше. Когда солнце поднялось из-за дальней сопки, она входила в Долину смерти. Река ушла в сторону, а грузовики шли по широкой пади с жидкой тундровой растительностью. Копулин угадывал трассу по ему одному известным приметам. Снег покрыл долину и трудно было разглядеть, где пролегал прошлогодний путь. Грузовики раскачивало из стороны в сторону, колеса то взбирались на кочки, то проваливались в запорошенные снегом промоины. Тягостное впечатление вызывал окружающий пейзаж. Сопки разбежались далеко по сторонам, а марь, по которой шла колонна, была безжизненна. Чахлые лиственницы и редкий кустарник навевали душевную тоску. Водители взмокли, крутя баранку. Ее дергало из стороны в сторону, когда колеса то проваливались, то выбирались наверх. Это было похлеще морской качки. Копулин дал сигнал. Колонна остановилась. Он прошел от первой машины до последней — все, вроде бы, было нормально. Двинулись дальше. Не прошло и десяти минут, как Виктор Сенотрусов дал сигнал. Его машина уткнулась носом в снег, резко наклонясь вправо. Остановились. На этот раз шуток и веселья среди шоферов не было. Все сгрудились около грузовика. Когда домкратом подняли передок, поняли в чем дело. Сломалась правая передняя полуось. Мороз, резкие толчки на ухабах сделали свое дело. Металл не выдержал.

Запасной полуоси не было в колонне.

— За все время — первый раз такую поломку встречаю, — развел руками завгаражом Геннадий Горячев. — Все, вроде бы, запчасти взяли, а полуось не догадались.

— Придется возвращаться в Тупик, — принял решение Копулин.

Машины разделились. Половина пошла дальше, две вернулись в Тупик за осью. Остальные — остались у места аварии. Не теряя времени начали снимать поломанную деталь. Решили на следующей ночевке в Строкицыно собраться и вместе двигаться дальше.

Из Тупика шоферы вернулись быстро — не прошло и четырех часов. Меняли полуось. Рядом горел огромный костер. Грелись по очереди и ремонтировали машину. Мороз крепчал. Руки примерзали к ключу. Каждое прикосновение к металлу обжигало пальцы, они немели, становились бесчувственными. Работали с остервенением, молча, меняя друг друга. И вот затянули последний болт. Геннадий Горячев лично еще раз попытался подтянуть каждую гайку. Все было нормально. Двинулись по следу ушедших вперед товарищей.

Когда подходили к Строкицыно, их встретил Копулин.

— Быстро вы управились. Думал день потеряете.

— По вашему следу идти было легче, — заметил Горячев.

Пошли греться в избу.

В тот рейс, пожалуй, поломка оси была самой большой неприятностью. Впереди были наледи, проваливались еще раза три в пустолед. Но все препятствия преодолевали сообща, дружно, с азартом. Настроение было приподнятое, как говорится, боевое, никто не ждал, когда его окликнут, попросят. Все устремлялись туда, где возникали барьеры на пути.

...На шестые сутки они увидели Кодар, его белую шапку и серые облака, зацепившиеся за скалы.

■

НА СНИМКАХ:
первый привал; долина смерти.
Фото автора.

КРАСНЫЙ УГОЛ

О, то редкое блаженство —
Следить и видеть, чуть дыша,
Как в мимолетном блике жеста
проглянет вечная душа.
И с восхищеньем дилетанта
Без боя сдаться, наконец,
Очарованию таланта
И болью меченых сердец!

Виктория Измайлова

На фото Виктора Дианова —
Заслуженная артистка России Галина Бахолдина
(Читинский кукольный театр).

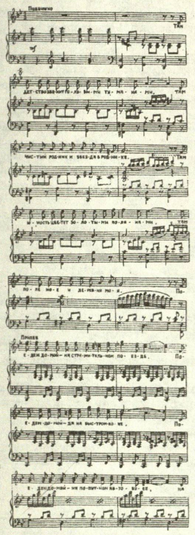
ПРЕМЬЕРА *Леонид Аверьянов*

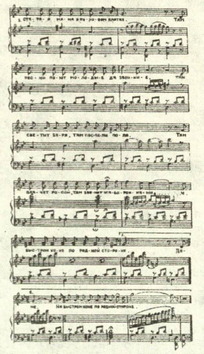

ПОЕДЕМ ДОМОЙ

Слова Мих. Вишнякова

Довольно бродить нам чужими дорогами,
Довольно глядеть на полет журавлей,
Довольно страдать не своими тревогами,
Деревня нас ждет, ждет своих сыновей.

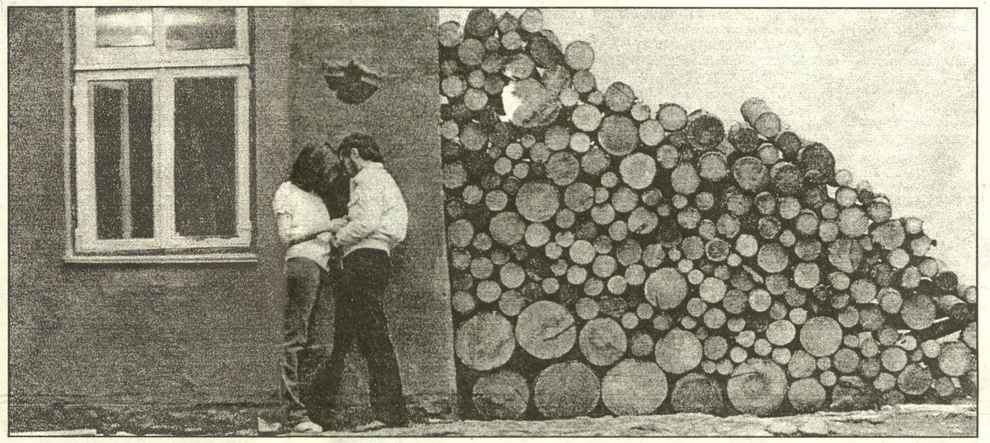
Припев:
Поедем домой — на стремительном поезде.
Поедем домой — да на быстром коне.
Поедем домой — на попутном автобусе,
На быстром коне по родной стороне!

Там песни поют молодые и звонкие,
Там светит заря, там поспели поля.
Там плачет росой, там звенит жаворонками
И поле мое и деревня моя.

Припев.

ПЕЧАЛЬ МОЯ СВЕТЛА

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ЛЮБВИ В ПРОЗЕ

Виктор Коврижник

Родился в Забайкалье в 1960 г. Был экскаваторщиком, служил в армии, работал в областной газете. Печатал стихи.

Этот день меня вызвал редактор:

— Старина! Получай деньги и дуй в Иркутск. Отвезешь в молодежку материалы для совместного БАМовского номера. Всех дел на две пьянки, так что сильно не расхолаживайся, — он полистал календарь. — Так, сегодня у нас пятница. Во вторник будь любезен быть на месте.

Во вторник, так во вторник. Я взял у шефа папку с фотографиями и писаниной, пошагал получать "стремянные" и, как нельзя кстати, совпавшую с ними получку.

Торопиться некуда. Деньги жгли карман и, чтобы совместить полезное с приятным, я отправился на поезде.

Всю дорогу выпивал да резался в карты с веселыми попутчиками. Иркутск встретил ласковой осенней погодой и тяжеленнейшим похмельем.

Злой, полусонный и ошалевший, я покрутился на вокзале и двинул вперед, держа в голове единственно здравую мысль: сначала похмелье, потом все остальное.

В таком состоянии катил в трамвае и едва не проехал остановку. Трамвай уже трогался, когда, протиснувшись меж пассажирами, я шагнул вслед за замешкавшейся в дверях молодой женщиной. Она порхнула в закрывающиеся двери. Я следом, не заметив, что впопыхах наступил на спарусивший подол ее розовой юбки. Под дружный хохот пассажиров мы вывалились на землю в следующем порядке: впереди она — в одних плавках, следом я — с дорожным майданом в одной руке и ее разорванной юбкой в другой. На мою и без того туго работающую голову обрушились визг, слезы и хлесткие пощечины. Вокруг нас мгновенно собралась толпа. Совершенно ошалевший, я пытался надеть на нее юбку, забыв, как это делается, потом в секунду просветления подхватил на руки плачущий, царапающийся и дерущийся смерч и побежал от остановки за угол ближайшего дома. Быстрота и неожиданность натиска благотворно повлияли на трепещущую, залитую слезами ношу. В подъезде девушка с грехом пополам нацепила распадавший такелаж. Я, лепеча извинения, стоял к ней спиной. Разглядеть страдалицу смог несколько минут спустя. Невысокая, стройная, с короткой стрижкой, кареглазая, с ямочками на щеках. Заплаканная, но прелесть! Оставив ее во дворе, я выбежал на улицу, остановил "Жигуль". Мой растрепанный вид подействовал на водителя и он буркнул: "Садись". Прихватив девушку, мы помчались по названному ей адресу. Расплатившись возле подъезда ее пятиэтажки, я выполз на свет божий. Она забежала в подъезд. Беспомощный, еле живой, я лег на скамейку. О девушке забыл и, помаленьку прийдя в себя, уже двинулся прочь, когда сверху донеслось:

— Молодой человек, вам плохо? Подняться наверх можете?

На балконе последнего этажа стояла попутчица.

Шагнув через порог, я нерешительно остановился, сказал смущенной и от того показавшейся еще более прелестной хозяйке:

— На вас глядя, инфаркт схлопотать можно.

— На вас тоже.

И мы принялись хохотать, как два сумасшедших.

— Господи, как же вы меня напугали! — сквозь смех всплескивала она руками.

— Да я сам чуть заикой не остался, — перебивал я.

— Идемте, — потянула она вглубь квартиры, — чаем напою.

— Какой чай? Надо что-нибудь посущественнее.

— Идите на кухню, я сбегаю в магазин.

Оставив меня одного, она упорхнула в дверь.

Вернулась она довольно скоро и захлопотала возле стола. Не дожидаясь конца приготовлений, я натряс полстакана. Хлопнул залпом.

— Простите бродягу, — поймав удивленный взгляд, сказал я повеселевшим голосом. — Действительно, чертовски плохо, но я не буду безобразничать. Немного полечусь и тронусь дальше.

Усевшись напротив, она подала бутылку, с любопытством разглядывая меня.

Налив рюмки, взглянул на нее.

— Ваше здоровье! И еще раз простите.

Закусив, мы, наконец, догадались познакомиться:

— Виктор.

— Ирина.

— Вы — иркутянин?

— Нет, приезжий.

— Ну и как наш город?

— Веселый городишко: для начала бьют, потом лечат.

К чаю выяснилось, что Ирина — коренная иркутянка, студентка, живет с родителями. Я, собственно, "сорвал" ее поездку к ним на дачу.

— Ну, раз такое дело — с меня компенсация: кино, концерт, ресторан…

— А что, если просто посидим у меня?

Мне требовалась пауза. Кое-что продумать и прикинуть.

— Давайте так. Приготовьте что-нибудь горячее, а я пойду прогуляюсь на свежем воздухе.

На улице меня охватила непонятная, нервная лихорадка: никак не мог решить, что же делать дальше? По идее, пора сваливать, но… Я зашел в магазин, купил коньяк и торт.

— Сегодня что — праздник? — улыбаясь, спросила Ирина, открывая дверь.

— Даже два: мой приезд в Иркутск и наше знакомство, — ответствовал я, подавляя смущение, и добавил: — А что, в этом городе коньяк пьют только по праздникам?

— А вы всегда так с незнакомыми людьми?

— Да нет, это со страха.

— Я что — такая грозная?

— Нет — вы красивая, а я боюсь красивых незнакомок.

Она тихо рассмеялась, отвела меня на кухню, сама растворилась в комнатах. Ничего еще не произошло между нами, а внутри меня радостно ахнуло от предчувствия чего-то хорошего. Никогда я еще не был наедине с такой красивой, непринужденной женщиной. Когда она вернулась, я остолбенел.

— Я это, самое, — услышал я свой голос, — мадам, так не играю. Вы что — решили меня всерьез добить? Вы не красивая — вы прекрасная!

— Действительно, нравится?

Я закивал головой.

Коньяк даже не обжег. Я и без него был пьян от тонкого запаха духов, светящейся свежести ее кожи, неизъяснимого аромата красоты и молодости.

— Приглашаю, — неожиданно молвило сидящее напротив чудное виденье и протянуло руку.

Мы прошли в комнату. Чувство нереальности происходящего не покидало меня. Во сне, что ли, могло присниться, что познакомлюсь с такой девушкой. И не просто познакомлюсь, а безоглядно влюблюсь и буду кружить в медленном танце, боясь поднять глаза. Музыка стихла. Я осторожно привлек ее к себе. С удивлением и страхом ощутил, как она подалась навстречу и дыхание наше слилось в поцелуе.

"Что это? — пронеслось в мозгу. — Господи, что я делаю?"

Точно проснувшись, она открыла глаза, чуточку отстранилась, удивленно вглядываясь скорее в себя, чем в меня.

Боясь шелохнуться, я не сразу понял, что она плачет.

— Ну что ты, милая? Что ты? Не плачь, — уговаривал я ее, а сам закрывал глаза, скрывая их предательскую влажность. Все это было похоже на сумасшествие. Мы пытались и не могли оторваться друг от друга, пробовали и не в силах были ничего сказать. Сколько длилось это, я не помню.

Радостно-опустошенные вернулись наконец на кухню, боясь встретиться взглядами. Подняли бокалы, замерли на мгновение — счастливые и испуганные.

— За нас! — выдохнула Ирина и снова заплакала.

— Почему ты плачешь?

— Это от счастья. Когда танцевали, я вдруг представила, что всего несколько часов назад тебя не было. Никто никогда не носил меня на руках. А сейчас я боюсь, что ты уйдешь навсегда и я буду думать: все это почудилось.

— Глупая, я же здесь.

— А я тебя первая заметила. В трамвае. У тебя было такое лицо! Я еще подумала: что за странный такой парень — никого и ничего не замечает. И загадала: если сойдем на одной остановке, я за ним понаблюдаю.

Я крепко прижал ее к себе.

— Задушишь, сумасшедший!

— Не боись. Солдат ребенка не обидит, — дар речи снова вернулся ко мне.

— Я лягу спать. Найдется коврик для бойца невидимого фронта?

— Я постелю тебе на диване.

Проснулся ночью. И хотя сразу все вспомнил, долго лежал с закрытыми глазами: не верилось. Стянул плед, спустил на пол ноги. Ирина спала, свернувшись в клубок в кресле. Я поправил подушку, боясь разбудить, осторожно перенес драгоценную ношу на диван, укрыл пледом, осторожно погладил:

— Спи, моя нежная!

Прошел на кухню, закурил, задумался.

Странная все-таки жизнь: где найдешь, где потеряешь. Вот жил я до сего дня: худо ли, бедно — в общем, жил. Влюблялся, грустил, радовался, ревновал, дрался, из-за женщин даже страдал.

— Просыпайся скорей, моя радость, — молил про себя. — Я так соскучился по твоим ласковым ладоням.

Нам нельзя друг без друга, мы и так не виделись целую прошлую жизнь. Наши души встретились.

— Ты любишь меня?

— Да!

В комнате царил полумрак. Она вкрадчивыми, осторожными движениями откинула одеяло, поправила подушку. Боже, как же хороша, как прекрасна была в этот миг моя любимая.

— Неженка мой! Я люблю тебя! Слышишь — люблю!

Потом мы лежали, обнявшись. Сквозь сладостную полудрему я слушал ее воркующий голос.

— Вить, а ты правда меня любишь?

— А ты как думаешь?

— Не знаю. Я все время чего-то боюсь. Ты знаешь — я влюбчивая, но чтобы вот так, как с тобой — никогда не было. Девчонки надо мной смеются — в двадцать пять недотрога. И вот на тебе — за один день меня с ума свел. Ты знаешь, я так рада! А ты, когда меня впервые увидел, что подумал?

— Мне думать некогда было.

Она рассмеялась.

— А ты во сне улыбаешься. Я сегодня долго-долго сидела возле тебя. Все никак не могла привыкнуть, что этот… и есть мой любимый. А ты спал, бессовестный, и не чувствовал, как я в тебя влюбляюсь.

— Нет, чувствовал. И руки твои помню и губы.

— Правда? Значит, ты — хитрил?

Я целовал ее плечи, груди, гладил ее тело и новая волна накатывала на меня. Наконец, уснули, доверчиво прижавшись друг к другу.

Утро выдалось тихим и ласковым. Природа, словно угадала наши чувства и настроение.

И я любил. Любил и не мог налюбиться. Чувствовал себя истинным мужчиной. Сильным. Ласковым. Первым и единственным.

Ближе к вечеру я оделся, вышел на кухню. Быстренько сготовил ужин. Сориентировался во времени, прихватив с собой сумку, вышел на улицу. Возле магазина наткнулся на торговку цветами, не торгуясь, скупил все, что было. Вернулся назад. Ирина спала. Стараясь не шуметь, я достал из стенки хрустальные фужеры, снял сверху какой-то диковинный кувшин. Когда стол был накрыт, цветы водружены, я с минуту полюбовался созданным натюрмортом и пошел будить. Увидев меня одетым, она удивленно протерла глаза:

— Ты куда-то собрался?

— Уже сходил, — успокоил я ее.

Она не перечила, послушно кивала головой.

— Мадам, — произнес я чужим голосом. — Я люблю вас! Люблю давно и сильно — уже целые сутки. Я делаю вам предложение и прошу вашей руки!

Она слегка ошарашенно, даже с испугом, смотрела то на меня, то на цветы. Лицо побледнело, на глаза навернулись слезы.

— Я… — начала она потерянно, — А можно мне немного подумать?

— Конечно, — серьезно сказал я, и отправился курить на балкон. Стоя на балконе, я услышал голос звонка, громкие женские голоса, а когда вернулся, застал на кухне целую компанию. Три пары любопытных девичьих глаз оценивающе-вопросительно уставились на меня. Я вежливо поздоровался. Смущенная Ирина представила меня гостям:

— Девочки, это Виктор.

Для меня добавила:

— Женя, Катрин, Ольга — мои однокурсницы.

— Мы к вам на огонек заглянули.

Когда хлопнула пробка шампанского и наступило время тоста, я с бокалом в руке вопросительно глянул на Ирину:

— Я жду?

— Я знаю, — голос ее был тверд и серьезен:—Да!

Подруги ничего не понимая, удивились.

— Девочки, — уже обращаясь к ним, произнесла Ирина. — Перед вашим приходом Виктор сделал мне предложение.

Девицы как-то испуганно охнули.

— Ай, да Иринка! Скромница! Вы что, люди, все это всерьез? Ну, дела! Шли в гости, а попали на свадьбу! Горько!

Пили стоя. Здоровый студенческий девичник. Танцевали, смеялись, улучив подходящий момент, одна из девушек позвала меня на балкон.

— Виктор, простите за нескромность, вы давно знакомы с Ириной?

— Со вчерашнего дня.

— Серьезно?!

— Я, барышня, не имею привычки врать женщинам.

— Да нет. Ирина — моя лучшая подруга. Мы закурили.

— Женя! Давайте начистоту — я вам не нравлюсь?

— Да нет. Наоборот. Странно как-то. Неожиданно.

Я рассказал ей о вчерашнем разговоре с Женей и о том, что случилось на остановке. Она долго молчала, затем села, обхватив руками колени.

— Женя тебе правду рассказала про Игоря. Я дружила с ним больше года. А потом… потом он попробовал взять меня силой. А я это ненавижу! Я сказала ему: если что-нибудь сделаешь — я брошусь с балкона. Он понял, что я не шучу. И мы расстались. Когда я вчера нарядилась, а ты на кухне сидел. Смешной такой, растерянный, исцарапанный, а в глазах — только нежность.

…Проснувшись, обнаружил, что ее рядом нет. На кухне обнаружил записку: "Милый, я скоро вернусь. Твоя Ирина".

— Ирину давно и сильно любит мой брат Игорь.

— Ничем не могу помочь, — жестко ответил я.

— Вы сильно любите?

— Сильнее, чем можно себе представить.

Мы вернулись в комнату. Ирина, махнув рукой, распорядилась:

— Жениха выгоняем в другую комнату, сами укладываемся.

Завтракали весело, с подначками. Девицы налегали на сухое. Потом я провожал их на троллейбус. Ольге и Катрин предстояло в одну сторону, Жене — в другую. На прощание я чмокнул их по очереди в щечки.

— Мы все Иринке расскажем.

— Виктор! — окликнула меня Женя, когда я уже успел отойти от остановки. Она приблизилась, решительная и серьезная.

— Если вы насчет брата, не тратьте время попусту.

— Нет, вы правда влюбились в Ирину?

— Почти, — ответил я.

Она слушала меня, чему-то улыбаясь, и вдруг оборвала:

— А я вам нравлюсь?

— Вы? — я несколько опешил.—Не знаю…

Она как-то печально посмотрела, затем порывисто обняла. Поцелуй был крепок и неожидан. Я не ответил. Она отстранилась, достала из кармана платочек, вытерла помаду. Быстро зашагала к остановке.

— На тебе лица нет. Что-нибудь случилось? Девчонки что-нибудь лляпнули? — Ирина тормошила меня, засыпая вопросами. — Не молчи, идол. Я сейчас закричу!

— Тише ты, бешеная. Дай дух перевести.

— Надо было мне, дуре, с вами идти.

— Да ничего не случилось, глупая ты моя.

Притихшая, убаюканная, она прижималась ко мне, дрожала и всхлипывала. Я шептал ей ласковые слова. Все подряд, какие только мог вспомнить. И снова во мне оживал страх.

— Но ведь что-то же было?

— Ты же обещала. Приеду — сурово накажу за нарушение режима.

— Вить! Я решила лететь к тебе.

— Слушай мою команду: слезы и глупости отставить. Да ты меня и не застанешь. С шефом я договорился так. Завтра лечу в командировку на север. Вернусь дней через 5–6. День-два сдаю материалы, получаю расчет и вылетаю к тебе. Так что никаких трех недель разлуки не будет.

— Я люблю тебя!

— И я тебя! Буду скучать.

Командировка длилась вечность. Я рыскал на перекладных по забайкальским северам, делал свою работу и всю неделю мысленно беседовал с Ириной. Вернувшись в выходной вечером, к девяти утра был в кабинете редактора. Он почему-то отменил традиционную планерку.

— Не передумал уходить?

Шеф, удивляя меня все сильнее, прошел к двери, запер ее на ключ. Вернулся, открыл сейф, достал бутылку, два стакана, конфеты. Не глядя на меня, разлил. Себе чуть-чуть, мне — полный стакан.

— Пей.

Выпили, закусили, закурили.

Редактор достал из стола телеграмму, протянул мне.

"Ирина в тяжелом состоянии. Срочно вылетайте. Женя".

Сердце оборвалось. Строки запрыгали перед глазами.

— Когда пришла?

— Через день после твоего отъезда.

"Пять дней назад, пять дней назад", — застучало в голове. Расслышал и понял не сразу:

— Она умерла четыре дня назад.

— Как, умерла?! — я протянул ему телеграмму, ничего не понимая.

— Тут каждый день звонит ее подруга. Ты вот что, старик. Не раскисай. Если в состоянии — выпей еще и подожди меня.

Он вышел. Я вылил в стакан остатки водки, выпил. Чудовищность происходящего не укладывалась в голове. Иринка, радость моя! Как же так?

Шеф вернулся минут через десять. Достал из сейфа пачку денег, бумаги.

— Расписаться сможешь?

Я кивнул. Расписался.

— Я отпуск тебе оформил. Прости, не смог найти по телефону. Вечно тебя черти носят в неизвестном направлении. Самолет через два часа. Бери себя в руки и поехали, я провожу тебя в аэропорт. Пошли, Витек. Машина уже внизу. Паспорт с собой?

Сознание работало вспышками. Пустой и окаменелый в пустоте воздушного пространства, я летел к любимой, которой уже не было.

Никто меня не встретил. Да и не нужен был никто. Отпустив возле иринианого дома такси, я сел на знакомую скамейку, закурил.

— Виктор! Слава господи!

Передо мной стояла Женя. Я встал. Она прижалась ко мне и не заплакала даже, а завыла. Подошли какие-то люди, пытались ее успокоить. Я стоял безучастный, словно то, что происходило, меня не касается. И только одна женщина в этой сумятице стояла молча, глядя на меня усталыми, до боли знакомыми глазами. Это была иринкина мама. Оторвав от себя Женю, я шагнул к ней.

— Вы узнали сегодня? — скорее ответила, чем спросила она.

— В девять утра.

— Я знала, что вы прилетите. Моя дочь не могла, не умела ошибаться в людях. Идемте домой, нас люди ждут.

За исключением Жени и ирининой мамы никого из присутствовавших я не знал. Я ни с кем не разговаривал, никому не отвечал, никого не слушал. Пил и ел машинально. Когда горячий обед закончился, иринина мать попросила меня остаться. Мы сели за стол втроем. Отец, мать и я. Три сироты. Мать неторопливым, усталым голосом рассказывала подробности происшедшего. Иринку, драгоценную мою Иринку, сразу же после моего отъезда свалила, сожгла, задушила нелепая, как гром среди ясного неба, ангина. За два дня. В самую-то сентябрьскую теплынь. И врачи ничего не могли сделать.

— Она умерла у меня на руках. Никого в бреду не узнавала, только все время звала вас. Ни отца, ни меня — только вас одного.

Она замолчала, затем, взяв мою руку, добавила:

— Вы, может быть, захотите что-нибудь из ее вещей на память себе взять?

— Если можно, фотографию.

Она принесла альбом. Я выбрал. Ирина смотрела на меня омутным карим взглядом и улыбалась. Она стояла на каких-то ступенях в белой кофточке и розовой юбке.

— Быть может, вы останетесь у нас? — прервала мои видения иринина мама.

— Нет. Простите, не могу. Можно, я зайду к вам завтра, перед отъездом, покажете мне ее могилу.

— Мы поедем туда к обеду.

Я попрощался. В дверях она задержала меня на минуту:

— Сколько вам лет?

— Двадцать пять.

— У вас еще все впереди. Спасибо, что прилетели. Нам сейчас так одиноко. Помните: она вас любила, вы были ее единственной и последней радостью. Душе ее есть кого помнить, о ком печалиться там, на небесах.

Я вышел из подъезда и увидел Женю. Она ждала меня на скамейке.

— Я знала, что вы не останетесь.

Она взяла меня под руку:

— Я обижусь на всю жизнь, если вы сейчас не пойдете со мной. Да и Иринка ни в жизнь бы мне этого не простила.

— Она при мне слегла, — рассказывала по дороге Женя, — я вызвала скорую. Ира дала мне номер вашего телефона и адрес. Я на всякий случай дала телеграмму, хотя знала, что вы в командировке. Я каждый день по два раза звонила. И в редакцию, и домой. Когда врачи сказали, что Ире совсем плохо, я взяла грех на душу и сказала ей, что вы уже летите. Я думала, это ей силы придаст. Она так вас любила, так вам верила…

Нервы мои были на пределе, я боялся не выдержать и сорваться. Мне вдруг стало страшно. Так страшно, что я чуть не закричал. Вспомнил, каким веселым и счастливым я летел сегодня в редакцию утром. Ног под собой не чуял, даже напевал что-то. А ее уже не было. Я задавался, а любимая моя уже четвертый день была холодна и недвижима. Никогда не прощу себе этой утренней радости. Как же мог я там, на "северах" ничего не почувствовать, как смел отсутствием своим не помочь, не спасти ее. Нет и не будет теперь мне за это прощения.

— Виктор! Виктор! Что с вами? Вам плохо? — испуганное лицо Жени поплыло в моих глазах. Я сел на корточки, прислонился к стене какого-то дома. Было стыдно и обидно. Я знал, что нельзя так делать, пытался взять себя в руки и ничего не получалось. Ужас, весь день таившийся во мне, весь бесконечный, страшный этот день, прорвался наружу. И я бессилен с ним справиться. И все это случилось на людях, в присутствии Жени, которая сама-то еле держалась. Беспомощный, разбитый, я сидел чужой в чужом городе, уткнув лицо в колени и ревел, как маленький ребенок. Сидел долго, пока не вышла со слезами обида на весь белый свет, ненависть к себе. Женя помогла мне встать. Опираясь на ее хрупкое плечо, я брел по городу, который еще недавно любил за подаренную радость, а теперь ненавидел.

Навстречу шли люди, летели машины, раня глаза и сердце именем любимой на номерах. Я знал: никто, никогда не вернет мне меня прежнего. Легкомысленного, бесшабашного, летящего безоглядно в объятия своей кареглазой колдуньи, а если и случится в будущем что-нибудь светлое и счастливое, рядом с ним неизбежно появится образ Ирины и острые когти печали сожмут мое сердце тревогой и болью.

оз. Торей,
1997 г.

СЕНСАЦИЯ ВЕКА

Алла Озорнина

Возвращаясь домой из магазина, я еще издали заметил Витькину фигуру, мечущуюся возле тополя. Я уже почти прошел мимо, как Витька повернул голову и, увидев меня, радостно закричал:

— О, Леха! Хорошо, что ты появился! Греби сюда! Греби скорей!

На этот раз я решил не поддаваться Витьке.

— Мне некогда, — сказал я, — меня мама ждет. У нас сегодня праздник!

— Да я не задержу, — не унимался Витька, — три минуты-то погоды не сделают!

Сгибаясь под тяжестью сумок, я подошел к дереву.

— Ну, — сказал я.

— Видишь? — Витька показал куда-то вверх.

Подняв голову, я увидел, что на самой верхушке дерева сидит серая в черную полоску кошка. В этот момент кошка спрыгнула вниз. Витька плашмя упал на нее.

— Чья кошка-то? — спросил я, делая шаг по направлению к дому и чувствуя, что сумки с каждой минутой все больше оттягивают руки.

— Моя, — гордо ответил Витька, следуя за мной, — я что, дурак из-за чужой надрываться?

— Так у тебя же не было кошки. Ты еще утром говорил, что терпеть их не можешь.

— Откуда же я знал, что двойку по геометрии получу? Уже третью! А четверть кончается. Знаешь, двойка за четверть замаячит, кого хочешь полюбишь. Вот я и подобрал ее по дороге домой. Разве ты не знаешь, что кошки счастье приносят? Вот не было у меня кошки, и двойки стали появляться. Сейчас вот кошка у меня — и двойки исчезнут.

— Ладно, Витька, — сказал я, чувствуя, что его фантазии бесконечны, — я пошел...

— Гуд бай, — разочарованно сказал Витька, но не успел я сделать и шагу, как опять послышался его голос: — Леха, выручай! Смотри, опять царапается. Сам же понимаешь, была бы обыкновенная кошка, стал бы я с ней возиться? Может мы с ней еще так прославимся, что нас в Америку пригласят. Там любят всякие чудеса. И тебя возьмем.

В Америке я еще не был. Я вообще нигде не был, кроме Атамановки, где находится наша дача. Да и, в конце концов, подумал я, подняться к Витьке на лифте и спуститься обратно не так уж долго.

— Жаль, что у нас лифт не работает, — сказал Витька, заходя в подъезд, — ну ничего, восьмой этаж — это же не очень высоко, правда? Это же не двадцатый и даже не двенадцатый.

Я не мог согласиться с Витькой, ведь в моих руках были огромные сумки, и восьмой этаж казался мне недосягаемой вершиной.

— Ну, вперед, — бодро скомандовал Витька, прыгая вверх через ступеньки. Я попытался сделать такой же рывок, но чуть не растянулся с сумками на лестнице.

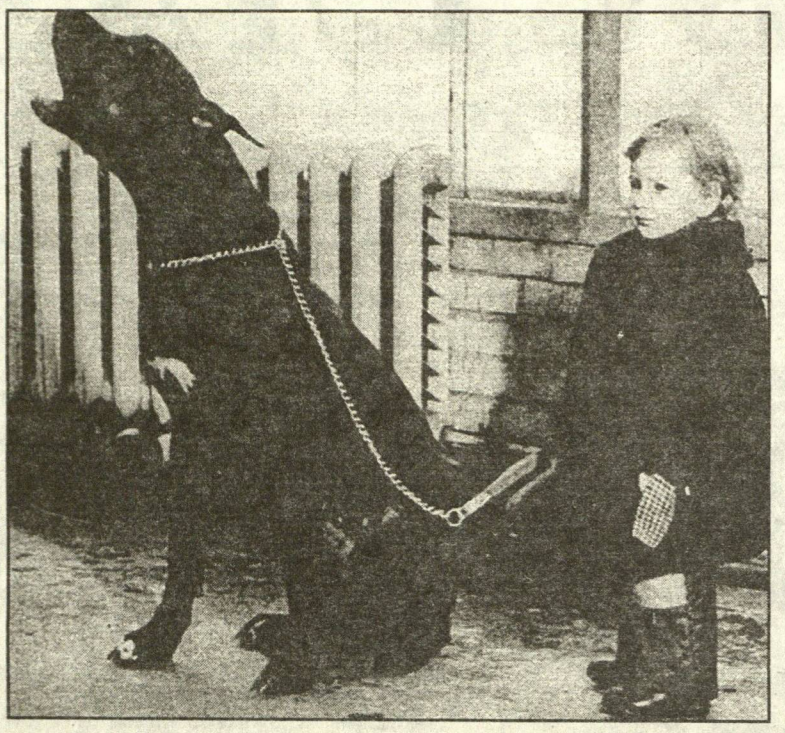
— Ну что ты тащишься еле-еле? — донеслось сверху.

— Да у меня сумки... — простонал я.

— А у меня кошка! — послышался возмущенный голос. — Вот она что творит! Чуть глаз не выцарапала!

Штурмуя последние ступеньки, я будто сквозь туман разглядел мечущуюся по площадке Витькину фигуру с кошкой в руках.

— Ну ты даешь! — заорал он, увидев меня. — Из-за тебя кошка мне все лицо поцарапала! С тобой только свяжись! Ладно, в правом кармане ключ, открывай дверь.

Я открыл дверь и ввалился в квартиру следом за вбежавшим в нее Витькой.

— Ну все, свободен, — сказал Витька.

— Сейчас отдышусь, — прошептал я, бросая сумки на пол, — попью и домой...

— Угу, — сказал Витька, швыряя кошку в комнату, — противная! Будь ты обыкновенная, не знаю, что бы с тобой сделал.

Я прошел на кухню и открыл кран. Несколько глотков воды принесли мне новое блаженство. О-о-о... Из ванной послышались шум льющейся воды и Витькин голос. Я вздрогнул. Витька поет часто и плохо. Причем тем ужаснее, чем лучше у него настроение. Сейчас, судя по исполнению, настроение у него было превосходное. Если б я не знал, что это поет человек, то, наверное, от страха упал в обморок. Его пение напоминало заунывный вой голодного волка в степи. Мне стало не по себе. Ко всему прочему показалось, что в кухне, кроме меня, еще кто-то есть.

Повернув голову, я оторопел. Прямо на меня из угла в упор смотрели два кошачьих глаза. Я подумал, что мне мерещится, и зажмурился. Сосчитав до пяти, я снова взглянул в угол. Два кошачьих глаза продолжали, не отрываясь, смотреть на меня. Это была серая в темную полоску кошка, которую Витька только что притащил с улицы. Но откуда она взялась? Ведь Витька при мне бросил ее в комнату и закрыл дверь. Неужели она действительно проходит сквозь стены?

А если она проходит сквозь стены, то наверняка она может еще что-то такое. В голове пронеслись сцены из фильмов ужасов. Ноги стали ватными, во рту пересохло, хотя я только выпил стакан воды.

— Все нормально, — тихо сказал я кошке и, не спуская с нее глаз, осторожно сделал шаг назад, — все хорошо...

Кошка сделала шаг вперед.

Я — шаг назад. Кошка — вперед.

Наконец, я достиг ванной комнаты. Кошка встала напротив меня и выгнула спину, будто собралась прыгнуть.

— Витька! — закричал я во все горло, потому что кошка подошла ко мне почти вплотную и еще больше выгнула спину. — Витька! Кошка сквозь стену прошла!

— Как? Ты, наверное, дверь в комнату открыл.

— Да не открывал я!

В узкой щели между дверью и косяком появилось красное исцарапанное Витькино лицо и тут же исчезло.

— Знаешь, я, кажется, придумал, что делать, — спустя какое-то время опять донесся Витькин голос. — Я приоткрою дверь, ты забежишь ко мне, и мы посидим здесь, пока не придут мои родители.

Дверь в ванную приоткрылась. Не помню, как я забежал туда, только очнулся, когда уже сидел в пустой ванне, а Витька что-то пристально рассматривал на полу. Было жарко и сыро, и я в теплом свитере и джинсах ощутил это очень быстро.

— Что ты там ищешь? — спросил я Витьку.

— Кошку, — ответил он, продолжая осматривать пол, как будто кошка была размером с блоху, — не забежала ли. Вроде все нормально. Слушай, — добавил он, взглянув на меня, — а может, ты все-таки ополоснешься?

— Нет, — замотал я головой. — Давай думать, что делать дальше.

— Как что? — удивился Витька. — И так все ясно. Родители вернутся с работы — мы и выйдем.

Перспектива сидеть в душегубке три часа, да еще без возможности предупредить об этом маму не устраивала меня.

— Слушай, а что это мы тут сидим? Да еще на защелку закрылись? Тебя дома ждут, мне нужно научные эксперименты ставить. — Витька осторожно приоткрыл дверь. — Вон она сидит. Кошка да и кошка. Чего мы испугались?

Он погладил кошку по спине:

— Надо же, космическая, а мурлычет как наша, земная. Ладно, за работу. Первым делом нужно узнать, что она из нашей пищи ест.

Витька прошел в кухню и налил в блюдечко молока.

— Ладно, Витька, я пошел, — сказал я, надевая кроссовки.

— Конечно, иди, — ответил Витька, — время дорого. Для научных исследований — тем более. Ну, обследую-ка я для начала комнату, в которой она сидела.

— Ну, пока, — я поднялся и взял в руки сумки. Взглянув на Витьку, я понял, что опять что-то случилось, потому что он молча и неподвижно стоял в коридоре с вытянутой вперед правой рукой. Он напоминал памятник Чернышевскому, что возле нашего пединститута. Я посмотрел в сторону вытянутой руки. Посредине комнаты сидела серая, в темную полоску кошка.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Витька, — то ли они размножаются так быстро, то ли...

— То ли ты вторую кошку притащил, — подсказал я, сразу сообразив, в чем дело.

— Так выходит, это совсем не космическая кошка, — разочарованно протянул Витька, — а самая обыкновенная. Да к тому же все лицо расцарапала.

Тут к Витьке подошла вторая, то бишь первая, кошка, которую он только что напоил молоком, и благодарно потерлась о его ногу.

— Но зачем мне две-то кошки? — продолжал Витька. — Двойка-то мне светит только по геометрии. Слушай, одну кошку надо выгнать! Телефон! Леха, возьми трубку, а я пока кошку выгоню. С двумя-то^ что буду делать?

Звонила Витькина мама.

— Передай Вите, — сказала она,— что через пятнадцать минут я приеду с корейскими коллегами. Пусть он пока пропылесосит и чайник поставит.

— Вот это да! — протянул Витька в ответ на мое сообщение. — Слушай, Леха, выручай, а? Две — три минуты, не больше. Ты уже больше потерял. Мы сейчас хотя бы одну кошку вместе выгоним и свободен.

Я заколебался.

— Ну Леха, ну ведь корейская делегация, сам понимаешь. Выручай, а? Вдруг к вам гости приедут из Канады. Или из Индонезии, мало ли что. Ты всегда можешь на меня рассчитывать. Я у вас, если надо, даже пол помою.

В это время из соседней комнаты послышался грохот, потом еще, и обе кошки пронеслись мимо нас. Витька заглянул в комнату.

— Ужас! — закричал он. — Они же настольную лампу перевернули и цветы с вазой! А ну-ка, — он стрелой пролетел мимо меня вслед за кошками.

Я вбежал в комнату в тот момент, когда Витька запустил в висевших под потолком на занавесках кошек только что снятым с ноги тапком, и кошки вместе с карнизом и шторами рухнули вниз.

— Лови! — крикнул Витька, бросаясь на что-то шевелящееся в шторах, но тут же из-под них выскочили ошалевшие животные и пронеслись в другую комнату.

—Ну подождите у меня! — крикнул Витька и метнулся в спальню родителей, на полу которой уже валялись настольная лампа и ваза с цветами.

В это время хлопнула входная дверь, и на пороге спальни появилась Витькина мама с корейскими коллегами. Лицо у Витькиной мамы стало белое-белое. Потом на нем начали проступать багровые пятна.

— Что это? — спросила она, глядя на Витьку. — И почему ты весь исцарапанный? И что это за кошки?

Корейские коллеги с интересом заглядывали в комнату.

Я взял сумки и тихо закрыл за собой дверь.

Вечером позвонил Витька.

— Ну, все позади, — сказал он. — Гости ушли. Гардины повесили. Кошек выгнали. Знаешь, без них как-то лучше. Спокойнее. Сейчас вот сел учить геометрию, — тут Витька перешел на шепот, и я представил, как загорелись у него глаза. Это всегда бывает, когда у Витьки появляется новая идея. — И тут мне такое пришло в голову! — продолжал он. — Потом расскажу. Словом, тройка по геометрии обеспечена. Я такое придумал! Теперь уж точно — сенсация века!

■

ЗАВЕТЫ

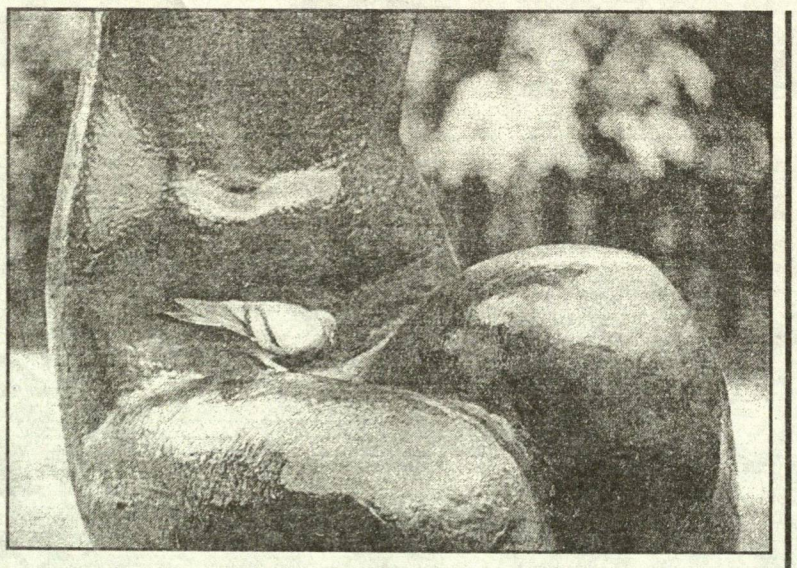

Великий русский сказочник Поморья Борис Шергин только бы отметил свое 100-летие. Его "северные сказы" неожиданно аукаются с "семейскими бывальщинами" Чикоя и Тарбагатая. В Советском Энциклопедическом Словаре — слава Богу! — упомянули его книгу "Поморшина-корабельщина" (1947)... "ЧЛ" отыскала отрывок из дневников этого загадочного сказителя...

"...Я так уж себя и считаю юродом, бездельником: не у чего-де живу, ветры ловлю, за тенью бегаю. Сверстники те — председатель, при академии, с орденом, дачу и машину имеет; мимо проедет, грязью оконце мое обдаст, не увижу в самом деле смолоду-то надо было не лазури небесные соглядать, — а что собаке ищейке носом в землю практически обеспечивающие дорожки вынюхивать?.. Бежать по следу такого хозяина, у которого кока с соком запасена... Конечно у... (неразборчиво) верный нюх, знают где жареным пахнет. Давно у тех окон сидят, хвостом виляют. И много их. Теплая компания. Овсянку с мясом им дают. Сахару на нос положат, скажут: "Пиль!" Они фокусы умеют показывать... Нам так не уметь.

Ложью век пройдешь, да назад не воротишься. Умирать все будем. Тошно будет при смертном-то часе. Для чего-де жил? Исполнил ли то, что тебе задано было в жизни? О чем сердце смолоду горело, к чему живая душа твоя рвалась, то — куда ты дел? Вот что при конце-то жизни совесть спросит..."

1920-е годы

Фотоэтюд Игоря Яковлева

Алексей Казанцев

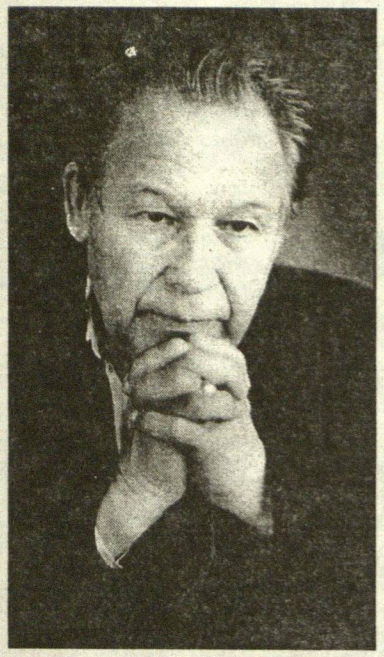

ВЧЕРАШНЕЕ

Ворота черные открылись.
И вот свобода перед ним:
Играли дети, псы резвились.
И мимо — с девушкой блондин
Куда-то шел. И все стесняло.
Знобило, как на сквозняке.
И отчужденно, и устало
В тюремном, черном пиджаке
Он шел обочиной к вокзалу,
Клубилось облако над ним.
А голова его сверкала
От преждевременных седин.
Десяток лет, как не бывало...
Где беззаконье? Где закон?
Душа его не понимала.
И в темноту летел вагон.

1995 г.

80 лет со дня рождения Ивана Борисовича КУЗИНА — первого в Забайкалье Народного артиста России

ЖИТЬ ТОРОПИЛСЯ, ЧУВСТВОВАТЬ СПЕШИЛ

Роясь в пыльных папках театрального архива, невольно задумываюсь о печальной судьбе творческого наследия артиста театра... Художник оставляет после себя картины, композитор — музыку, киноактер — рулоны отснятой кинопленки. А что остается после того, как снят с репертуара спектакль?

При жизни Ивана Борисовича в театре, конечно, не было видеокамер, поэтому на память о первом Народном артисте Читинской области остались только статьи из газет, пачки фотографий да еще воспоминания, которыми охотно делятся наши старожилы.

Родился Иван Борисович Кузин в Анжеро-Судженске Кемеровской области 20 октября 1917 г. В школьные годы играл в спектаклях Дома шахтера, по окончании школы поступил в драматическую студию. В 1939 убыл в армию, и дальнейшие события нетрудно предугадать: война, где после боев у Кузина еще хватало сил читать бойцам стихи из фронтовой газеты и монологи из спектаклей, которые еще не выветрились из памяти после недавней учебы...

Ивану Борисовичу повезло — закончил войну без единой царапины. В 1947 году вернулся к гражданской жизни. Сейчас уже не выяснить, почему занесло его в Вологодский драматический театр, но именно там он сыграл свои первые роли на профессиональной сцене, там же встретил будущую жену, актрису Марию Дегтеву. В Читу они приехали уже вдвоем.

Далее, с 1949 по 1986 год — год смерти артиста — Кузин работал в читинской драме, сыграл более ста пятидесяти ролей.

...Год от года росло мастерство актера. И помаленьку стало выясняться, что Кузину доступны и комедийные, и характерные роли, что артист особенно хорош в классической драматургии.

В спектакле по пьесе М. Горького "Зыковы" Иван Борисович исполнил роль компаньона главного героя — Хеверна. Критик описывает его: "В светлом клетчатом костюме, выпощенный и ухоженный, он весь так и лучился любовью к самому себе. Об этом кричала, казалось, каждая клеточка. Когда говорил, в неприятном, каком-то скрипучем голосе его повизгивали нотки восторга самим собой. Прожженный авантюрист и делец, он любил всякие мелкие удовольствия и искал их во всем..."

Будулай в "Цыгане", полковник Като в "Синей заплате", старший Раевский в "Записках княгини Волконской" — каждая роль становилась событием и для зрителей, и для критиков. В 1977 г. плодотворная работа Кузина была отмечена званием "Заслуженный артист России".

В 1981 г. в театр пришел режиссер А. Славутский, и талант Ивана Борисовича заиграл в его спектаклях новыми гранями.

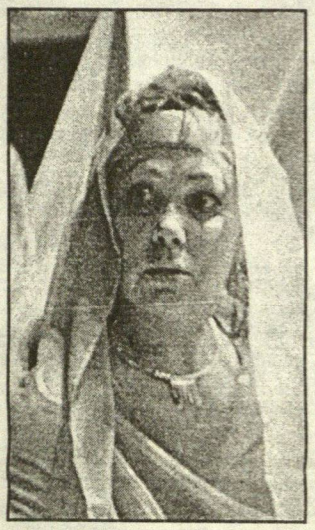
Союз двух талантливых людей дал зрителям множество удачных работ. Иван Борисович сыграл Нила Мамаева в спектакле "На всякого мудреца довольно простоты" и Силу Большова в "Банкроте". Эти две роли в пьесах А. Островского стали событием в творческой судьбе актера. И если Мамаев — это несколько эпизодов, в которых Кузину удалось создать потрясающий образ преуспевающего когда-то хитреца, поучающего нищего племянничка, то Сила Силыч стал тем образом, за который артисту дали звание народного.

Неожиданным для зрителей стали комедийные роли актера. В "Плутнях Скапена" Кузин создал образ скупого Арганта — отца одного из героев комедии. Комедия продержалась на сцене больше пяти лет, что для Читы явление необычное.

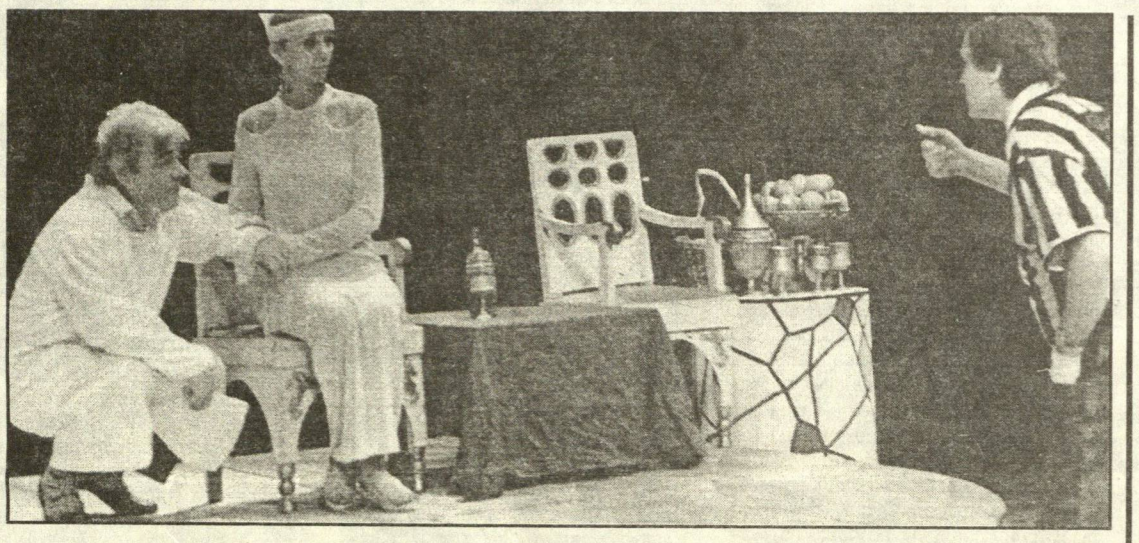
Еще более долгую сценическую жизнь имела композиция из одноактных пьес М. Зощенко, названная театром "Горько!"...

В 1986 г. Ивана Борисовича не стало... Умер артист и ушли в прошлое полторы сотни образов, созданных за сорок лет на сцене. Никому теперь не увидеть их. Только в рулонах пленки лежит где-то кинофильм "Поднятая целина", созданный в начале 60-х. В нем в небольшой роли Нестеренко снялся Иван Борисович Кузин. Если будут показывать по телевидению, не пропустите, — это единственная возможность увидеть работу человека, ставшего первым Народным артистом России в Забайкалье.

Вера БАЕВА.

ВЕРУЕМ В ЛЮБОВЬ ВАШУ

Сезон открыт. Прошла премьера. Были аплодисменты, цветы, добрые пожелания. Руководство области поздравило театр с открытием сезона, вручило старейшему работнику — кассиру Лобыничевой — Почетную грамоту, благодарственные письма директору Ю. Пояркину, инспектору по кадрам Е. Леонтьевой, а заместителю директора Т.С. Сидоровой первой в нашем театре присвоено почетное звание "Заслуженный деятель культуры и искусства Читинской области".

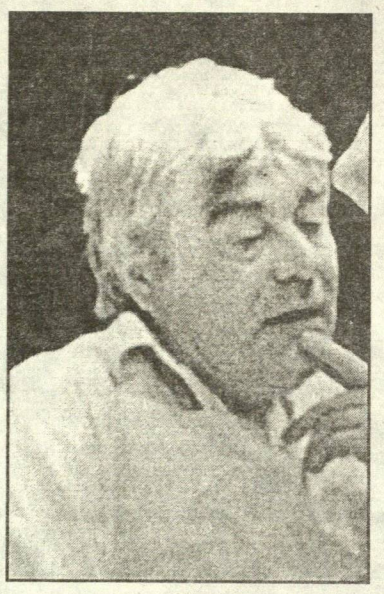
А далее, 25 октября — бенефис актрисы Любови Гамовой, 31 — вечер, посвященный Борису Ильичу Кузнику, ежедневное восстановление спектаклей текущего репертуара, вводы новых исполнителей, подготовка к традиционной Всероссийской неделе "Театр — детям и юношеству", которая проходит в конце ноября, подготовка к зимним каникулам, где нам впервые удалось достать сценарий Кремлевской елки, что накладывает на театр огромную ответственность, далее — новогодние каникулы, работа в дни которых у нас длится две недели, и снова репетиции, спектакли, новые проекты. Такая жизнь ожидает театр в этом сезоне.

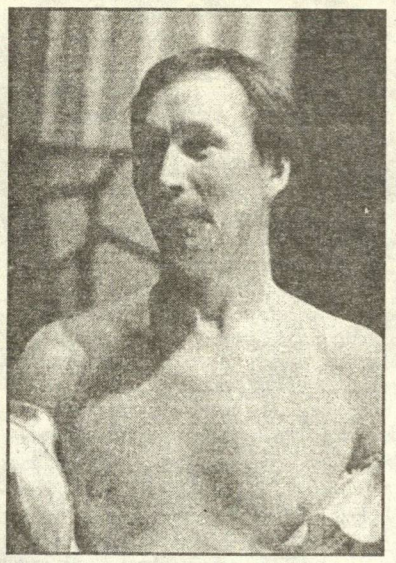
Любовь Леонидовна Гамова. Всегда очень сложно писать о своих артистах. И кажется, что заурядно прозвучат слова — талантливая, профессиональная, яркая, работоспособная. Тем не менее, все эти качества Любови Леонидовне присущи. Она искренне болеет за театр, его профессионализм. Творческой энергии хоть отбавляй, она готова работать сутками. Но что делать, если фактически вся мировая драматургия построена, в основном, на мужском репертуаре. Занять в спектаклях всех женщин театра — проблема. Но у Любови Леонидовны работа есть. Есть много ролей, положительно отмеченных театроведами и критиками. Есть первый в ее большой театральной жизни бенефис.

Прошла премьера "Ромула Великого" Фридриха Дюрренматта. Несколько месяцев назад в одном из номеров "ЧЛ" я размышлял об этой пьесе. И вот она стала спектаклем. Позади — обсуждение художественного совета, видеопросмотр с артистами. Что получилось? Должен сказать, что задумывал, то удалось. Верно ли задумал и как это воплотилось — решит зритель. Спектакль получился необычным, жанр его определить трудно. Настолько по-разному написаны автором все четыре картины. И артисты существуют в этом материале совершенно в разной манере. Некоторые говорят: "Эклектика". Да, эклектика! Но ее уже "разрешили" в перестроечные времена. А еще спектакль интересен тем, что хочется работать дальше.

Осень. Открытие сезона. Мы рады встрече с вами, дорогие забайкальцы. Мы любим вас и веруем в вашу любовь.

Николай БЕРЕЗИН,
главный режиссер Читинского областного драматического театра.

- Актриса Любовь Гамова
- Момент репетиции спектакля "Ромул Великий"
- Народный артист России Владимир Кнестиков
- Артист Олег Аббясов
- Финал спектакля "Вечер"

Фото А. Каслова

ЧУЖАЯ РАМПА

Фестиваль "Байкальские огни", посвященный 60-летию российского драматурга XX века Александра Вампилова, впервые в этом году проводился в ранге Всероссийского фестиваля. Москва и Камчатка, Омск и Красноярск, Улан-Удэ и Минусинск, Уссурийск, Иркутск и Чита представляли свои спектакли. Помимо местных спонсоров, фестиваль финансировался Министерством культуры Российской Федерации. Чита была приглашена со спектаклем "Вечер". Проживание и финансирование полностью взяли на себя организаторы. А с дорогой помогло командование ВВС во главе с генерал-лейтенантом Горбенко.

Блестящая организация фестиваля, постоянное внимание со стороны организаторов, прекрасный пансионат "Ангара", где мы жили, создавали особую атмосферу праздника.

Спектакль игрался 10 октября в помещении Иркутского ТЮЗа, и несмотря на то, что параллельно в помещении театра музыкальной комедии, шел спектакль Московского театра, зал был полон, а многочисленная московская делегация артистов, режиссеров, критиков тепло встретила наш спектакль. Само действие я не смотрел — наши выгнали меня, чтобы никого не нервировал. После спектакля нас расцеловали и коллеги из других театров, и московские критики. На обсуждении мы услышали много приятных слов. Я горд за наш театр, за наш город, ибо Чита, по словам критиков, представила один из лучших спектаклей. В тот же вечер в Доме актера проходил вечер Читинского театра (каждому представителю фестиваля был посвящен определенный вечер. 10-го — наш день). Мы играли "капустник" — и те же критики опять сказали, что мы умеем не только заставить зрителя сопереживать и плакать, но и смеяться. Я пишу эти заметки, не зная окончательных результатов... Но довольны мы и, судя по всему, довольны нами. Это, как говорят, приятно.

Н.Б.

ОТ РЕДАКЦИИ. Спектакль "Вечер" Читинского областного драматического театра завоевал один из самых престижных призов Всероссийского фестиваля в номинации "За верность традициям русского реалистического искусства". Поздравляем!

ЭТНОС

В мае нынешнего года во вступительной статье к первому номеру "Читы литературной" мы объявили Единение как художественный, общекультурный и эстетический принцип издания нашей газеты и группы прозаиков, поэтов, художников, журналистов, артистов, деятелей культуры Забайкалья.

Мы и не могли предполагать, что в далекой Австралии выходит газета на русском языке с таким родственным нам названием "Единение". Сегодня в распоряжении "ЧЛ" ее 27 и 29 номера. Газета в меру своих финансовых, информационных, кадровых и иных возможностей не крикливо, но прочно утверждает: "здесь русский дух, здесь Русью пахнет". Нас особенно заинтересовали страницы, посвященные истории забайкальского казачества, которое проделало тяжкий путь исхода по дороге Россия — китайское Семиречье — Австралия...

Сегодня "ЧЛ" публикует перепечатку из "Единения" о знаменитом хранителе и спасителе 34-х знамен воинских частей старого Забайкалья, казачьих и Императорских реликвий, легендарном казаке-забайкальце Василии Георгиевиче Казакове (1888–1945). Это — первая "перекличка" "ЧЛ" и "Единения", которая, надеемся, будет продолжена, ибо живые зовут живых!

ЕДИНЕНИЕ
UNIFICATION — ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА RUSSIAN WEEKLY NEWSPAPER

ТАЙНА КАЗАЧЬИХ ЗНАМЕН

АУКНУЛОСЬ В ЧИТЕ — ОТКЛИКНУЛОСЬ В АВСТРАЛИИ

Казак из поселка Березовка Знаменской станицы Василий Георгиевич Казаков по призыву на действительную военную службу попал в 1909 году в Санкт-Петербург в лейб-гвардии сводный казачий полк. Уже тогда проявились его незаурядные способности, мастерство и выучка. Свидетельство этому — пара именных золотых часов, полученных лично из рук Государя-Императора.

Далее — участие в мировой войне, буквально с первых дней на Турецком фронте в чине зауряд-хорунжего и получение за боевые заслуги и геройство 4 Георгиевских крестов всех степеней (полный кавалер!), орден Анны 4-й степени с надписью "За храбрость", орден Анны 3-й степени с мечами и бантом, орден Станислава 3-й степени с мечами и бантом, орден Станислава с мечами на шею 2-й степени, орден Владимира 4-й степени с мечами и бантом и золотой Георгиевской шашкой.

Есть все основания надеяться, что лавры первенства по наградам, полученным в боях 1-й мировой войны, принадлежат забайкальскому казаку Василию Георгиевичу Казакову.

После заключения Брест-Литовского мира и окончания боевых действий, 2-й Нерчинский полк, в котором служил сотник В.Г. Казаков, двинулся в родное Забайкалье.

В Иркутске В.Г. Казаков был арестован, морился в холодном подвале при 40-градусном морозе и избежал расстрела благодаря заступничеству сослуживца по гвардии Е.Г. Сычева, служившего в то время в штабе Яньковского.

От вторичного ареста на станции Маккавеевской он бежал на станцию Оловянную, где примкнул к Особому Маньчжурскому отряду атамана Г.М. Семенова. Можно совершенно уверенно утверждать, что в кровавых злодеяниях семеновцев он участия не принимал. В 1945 году НКВД с готовыми списками входило в Маньчжурию, и по ним арестовывали сразу же, но В.Г. Казакова не тронули.

Главный подвиг жизни Василия Георгиевича — спасение им 34 знамен воинских частей Забайкалья. Как он свидетельствует, эти знамена: "...хранились при штабе Войскового управления Забайкальского казачьего войска в Чите. При отступлении армии атамана Г.М. Семенова под наблюдением заместителя войскового атамана генерал-лейтенанта Алексея Прокловича Бакшеева хозяйственным правлением штаба были доставлены на станцию Даурия и потом до станции Маньчжурия, где я принял ответственность по охране их на себя лично".

По пути следования по КВЖД вглубь Маньчжурии все воинские и беженские эшелоны тщательно обыскивались китайскими солдатами Чжан Цзаолина. Здесь В.Г. Казакову пришлось прибегнуть к хитрости: оборудовать в середине состава вагон под походную церковь, где свернутые и уложенные знамена были закрыты чистым полотном, а сверху расставлены иконы. Таким образом они благополучно проехали Западную ветку КВЖД до Харбина и затем — по Восточной ветке до станции Пограничная. В конце концов знамена вновь оказались на родной русской земле и были временно помещены в церковь на ст. Гродеково, а затем перевезены в г. Никольск-Уссурийский, где и хранились до самой эвакуации Дальневосточной армии.

За несколько дней до эвакуации знамена были привезены А.П. Бакшеевым из Никольск-Уссурийска во Владивосток и сданы под расписку на флагманский корабль-ледокол "Байкал" — командующему Сибирской флотилией адмиралу Юрию Карловичу Старку для доставки их в корейский порт Гензан. В штормовую ночь 23 октября 1922 года покинули Владивосток. Всего по подсчетам В.Г. Казакова на этих кораблях покинуло Россию 10250 человек (в основном, гражданских лиц). Строевые же части, державшие фронт, отступили походным порядком из Раздольного на Посьет и Гирин, потом рассеялись по различным городам Китая, да и всего мира.

В корейском порту Гензан знамена, находившиеся на борту "Байкала", чуть было не были потеряны, так как Сибирская флотилия внезапно снялась с якорей и двинулась в Америку. Буквально в последние мгновения В.Г. Казакову на корейской лодке "юли-юли" удалось догнать уже тронувшийся "Байкал", на ходу перегрузить знамена. На прощание адмирал Старк сказал: "Выпейте, полковник, коньячку и дайте мне расписку в получении знамен. Я знаю, что вы вторично знамен от меня не потребуете, но я хочу иметь на руках этот документ, как историческую память".

В порту Гензан древки знамен для удобства транспортировки были обрезаны, но обрезки хранились в тех же ящиках и при необходимости могли быть соединены с древком посредством металлических трубок. Советом некоторых о снятии знаменных шелков с древков Василий Георгиевич пренебрег, так как знал неразрывную связь полотнища знамени и древка. Как он пишет: "...Полотнище знамени прикреплялось в свое время к древку при особой торжественной церемонии, где каждый гвоздик имеет особое значение, ибо первый из них вбивает сам Государь-Император, а потом командир полка, помощник командира, дальше командир роты, сотни или эскадрона, младший офицер, унтер-офицер или урядник того полка, знамя которого освящается, и, наконец, последний гвоздик вбивает рядовой солдат или казак Русской Императорской армии".

Василий Георгиевич Казаков.

В России фото публикуется впервые.

Из порта Гензан знамена были перевезены в порт Лазарев в казармы, где до русско-японской войны стоял 1-й Нерчинский полк.

Нередко для осмотра боевых реликвий приезжали японские офицеры и с почтением склоняли головы перед Георгиевским штандартом 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска с надписью "За отличие в боях с Японией 1904–1905 гг.", пожалованным славному полку самим Государем-Императором Николаем II.

После почти годичного пребывания в портах Гензан и Лазарев, 12 августа 1923 года знамена были погружены на пароход "Монгугай" и перевезены в Шанхай. Междоусобная вражда внутри беженцев привела к тому, что пароход, стоявший на рейде на реке Вампу был захвачен сторонниками генерала Анисимова, перешедшего на сторону красных, и на нем был поднят красный флаг. В.Г. Казакову пришлось пойти на хитрость: организовать десант из казаков и ночью (без кровопролития) захватить "Монгугай" и вернуть знамена. Они были перевезены в Богоявленскую церковь в Чапее (район Шанхая).

Узнав о том, что армейские реликвии находятся в Шанхае, некоторые высокие чины бывшей русской армии пытались заполучить их. Благодаря настойчивости В.Г. Казакова, поступило распоряжение Великого Князя Николая Николаевича, положившее конец этой неблаговидной возне. Николай Николаевич писал: "Спасибо молодым казакам-знаменщикам за преданность на посту у знамени и за сохранение старых Императорских реликвий. Вам (В.Г. Казакову — В.П.), как штабс-офицеру честь и хвала за спасение 34-х знамен... Повелеваю раз и навсегда оставить знамена при Вас. Николай".

В течение нескольких лет знамена хранились в Богоявленской церкви и здесь вновь чуть не погибли: при штурме Шанхая японцами в 1932 году район Чапея подвергался интенсивному артиллерийскому обстрелу. В.Г. Казакову с казаками знаменной группы под огнем пришлось вывозить знамена в безопасное место.

В дальнейшем знамена хранились в особом сейфе при Кафедральном православном соборе Шанхая.

Что это были за знамена? К сожалению, Василий Георгиевич в своей книге не дает их полного списка, а краткое описание 13-и из 34-х. Среди них, кроме упомянутого уже штандарта 1-го Читинского полка, знамя времен императрицы Екатерины II с изображением белого креста и с надписью по углам "Благодать", красное знамя с белым крестом и орлами императора Николая I по углам, зеленое знамя с двумя орлами и надписью "1655 год", знамя 630-й Ополченской пешей Иркутской дружины, знамена седьмого и восьмого Аргунских батальонов Забайкальского казачьего войска, знамя Забайкальского казачьего войска с надписью: "Казаки на службе в Даурии 1851 г." и ряд других.

Где эти знамена сейчас? Какова дальнейшая судьба самого хранителя?

По заданию руководства ЗКВ я искал эти знамена в Австралии (через атамана казачьей станицы Дмитрия Речкалова и 100-летнего казака, сподвижника атамана Г.М. Семенова Андрея Григорьевича Таралу). Искал их в Америке (через атамана Забайкальской казачьей станицы Андрея Васильевича Подойницына), но тщетно!

Смерть Казакова была долго покрыта тайной: он был взят НКВД в ноябре 1945 года, а весной 1946 года, когда сошел снег, его раздетое тело, завернутое в циновку, обнаружили случайно на окраине города.

Так вот знамена из Шанхая были перевезены в Хайлар и хранились в помещении японской военной миссии. В августе 1945 года во время боев за город здание миссии загорелось, возможно, что японцы и подожгли его, и В.Г. Казаков (в который раз!) вдвоем с каким-то казаком, имя которого осталось неизвестным, вынесли эти знамена из горящего здания. А после окончания боевых действий Василий Георгиевич их сам лично увез в Читу (!), откуда вернулся в Хайлар. А после был взят сотрудниками НКВД, посажен в тюрьму, и там, нет, не убит, а умер от застарелой язвы желудка. Его смерть на своих руках принял местный казак Иван Высотин.

В.Г. Казаков вывез знамена в 1922 году из России, сохранял на чужбине в течение 23 лет и вернул Родине в 1945 году.

Так что не в Австралии и не в Америке искать надо исторические военные реликвии, а у нас в Чите. И тому есть вещественное свидетельство: упоминаемое здесь знамя 1-го Читинского полка было обнаружено в подвале Читинского краеведческого музея Виталием Апрелковым.

В. ПЕРМИНОВ.

И ПЕСНИ СВЕТ, И УДАЛЬ ТАНЦА

Три с половиной века назад русские переселенцы облюбовали заповедный уголок Сибири за Байкалом. С тех пор в этих краях живут несколько самостоятельных групп представителей русского народа. Первыми пришли сюда казаки, которые основали старейшие остроги и крупные поселения. Они принесли с собой и бережно сохраняли исконно русские песни, традиции и обряды. Позднее здесь обосновались приверженцы древних православных обрядов, гонимые церковью и государством — старообрядцы, получившие в Забайкалье название "семейских".

Сочетание возникших в итоге народных традиций и создает ту неповторимую палитру русского фольклора Забайкалья, к которой обратились участники ансамбля песни и пляски "Забайкальские казаки". С их помощью российские слушатели заново открыли для себя особое, чистое и вольное звучание забайкальских мелодий. Ансамбль песни и пляски работает над исполнительским мастерством, стремится в своих выступлениях донести до широкой аудитории всю простоту и глубину народной музыки. В составе ансамбля "Забайкальские казаки" выпускники Читинского музыкального училища и училища культуры, бывшие участники художественной самодеятельности.

Все участники ансамбля одинаково хорошо владеют как хореографическим, музыкальным, так и вокальным мастерством. В репертуаре ансамбля "Забайкальские казаки" есть и сложный семейский распев, и лихая казачья пляска, и шуточные забайкальские прибаутки. Этим определяется своеобразная вокальная культура ансамбля.

Василий ВОЛКОВ,
Заслуженный работник культуры России.

БЕССМЕРТИЕ

Над землею проносятся дикие кони-столетья,
и вздымают с вершин — за собою — слежавшийся снег.
Я живу в ожидании хлесткого выпада плети,
рассекающей воздух и время в пространстве — навек.
Но копытами дней разбиваются в бешеном беге
мои мысли-мечты на желания маленьких дел.
Только в родине черпать мне дух богатырский навеки!
Только снег моей родины знает в пространстве предел!
Облака — издалека — из времени снов прилетели.
Разрывает поводья неистовый конь в табуне...
И взметнется над миром вселенское пламя метели,
и вернется на родину таять всезнающий снег.

Бадма-Доржи Харгана

ГОМБОЖАБА

Великому русскому путешественнику и географу, исследователю Центральной Азии Николаю Михайловичу Пржевальскому так и не суждено было проникнуть в столицу Тибета, запретный город Лхасу. Как-то 250 верст отделяли его от заветной цели… И он записал в своем дневнике: "Пусть другой, более счастливый путешественник докончит недоконченное мною в Азии".

Таким более счастливым путешественником оказался славный сын бурятского народа, выходец из степной Аги, Гомбожаб Цэбекович Цыбиков (1837–1930). Он не просто проник в запретные святыни буддистов, но и самым тщательным образом исследовал жизнь и быт тибетцев, основы их мировоззрения, систему их религии, ознакомился с фундаментальными рукописными трудами выдающихся теологов-философов.

Не раз и не два приезжал профессор Цыбиков в Агу, чтобы отдохнуть от научных занятий, повидаться с родственниками и земляками, полюбоваться красотой родных мест. Но отдыха обычно не получалось: кожаная котомка с книгами всегда была за плечами Цыбикова, когда он гулял по степи или сопкам.

В пяти километрах от Агинского стояло здание Агинской аймачной больницы. Здесь и прошли последние дни знаменитого путешественника. Когда больному стало совсем плохо, то его перенесли в юрту, которую по его же просьбе поставили в огороде больницы. Там он лежал под наблюдением врача-бурята Лыксык Жабэ, каждую минуту бодрствования посвящая чтению книг. Почувствовав приближение смерти, ученый не потерял самообладания. Он попросил уйти близких родственников, поставить рядом с ним часы… 20 сентября 1930 года профессора Цыбикова не стало.

Родные хотели похоронить ученого на его родине, в Урдо-Аге. Но могила была вырыта в другом месте, в десяти километрах от больницы, в Агын-Булагтуй… А через несколько дней обнаружилось, что могила Цыбикова раскопана. Неизвестные лица извлекли тело и похитили его! Нетрудно догадаться, кому оно понадобилось: ведь именно из человеческого черепа изготавливается чаша, именуемая "габал", которая играет большую роль в мистических обрядах ламаистов. И чем ученее или известнее человек, тем более ценной является чаша-габал, изготовленная из его черепа (самому Цыбикову удалось видеть чашу, которую сделали из черепа матери Цзонхавы). Ясно, что здесь приложили руку "святые" ламы: ведь Цыбиков побывал в самой Лхасе, дважды видел Далай-ламу, был ученым человеком, профессором…

Началось следствие. В округе толковали о том, что Цыбиков умер не своей смертью, что его отравили ламы за предание гласности сокровенных тайн Тибета, за атеистическую пропаганду и т.д. Однако следствие результатов не дало: злоумышленники, осквернившие могилу, так и не были найдены…

Тело Цыбикова искали многие. Долго шли разговоры и догадки, что, возможно, агинские ламы сумели отправить габал в Лхасу, стараясь тем самым заполучить благосклонность Далай-ламы, или же спрятали ее у себя.

Было известно, что после возвращения Цыбикова из Тибета участились проникновения в Агинскую степь пеших лам из Тибета под видом паломников. Возможно, они были разведчиками с заданием доставить габал Цыбикова в Тибет. За его голову объявлялась большая сумма.

Цыбикову, путешествующему инкогнито, грозила постоянная опасность, по тибетскому закону его могло ожидать обезглавливание. Так погибли французский путешественник Дютройль де Ренс, японец Эко Кавагучи и другие.

Судьба благоволила Гомбожабу Цыбикову в его трудном и опасном путешествии. Несмотря на все тяготы и лишения, он с успехом выполнил поставленные перед ним задачи и сумел собрать ценнейшие сведения о запретной стране и ее недоступной для европейцев столице, городе Лхасе.

Библиотека привезенных им ксилографов была передана Русским географическим обществом в дар Азиатскому музею и составляет ныне наиболее ценную часть тибетского фонда Института востоковедения АН СССР. Фонд этот по праву считается лучшим в мире собранием тибетской литературы.

Но с другой стороны, судьба сыграла с путешественником злую шутку. В то время, как он подготавливал свой уникальный труд — "Буддист-паломник у святынь Тибета", в Тибете появились англичане, границы Тибета были "распечатаны" силой оружия, и в мировой печати появились многочисленные фотографии и публикации.

Труд Цыбикова, казалось бы, потерял свою актуальность. Но так может казаться лишь на первый взгляд. Сейчас, когда прошло столько лет, мы по праву можем гордиться подвигом ученого, а его книгу считать самым полным, добросовестным, обстоятельным описанием Тибета и его жизни во всех ее сферах — духовной, экономической, политической. Цыбиков застал Тибет, так сказать, еще в "нетронутом" виде.

В этом отношении книга Цыбикова не устареет ни через пятьдесят, ни через сто лет.

В родном улусе ученого Урдо-Ага постоянно жила его супруга Лхама Норбоева (1881–1961). Земляки уважали эту умную деятельную женщину, в простонародьи звали Биши-абгай (сестра Биши).

Лхама Норбоева лично знала и принимала многих известных ученых. Цыбиковы вели давнюю дружбу с академиком Федором Ипполитовичем Щербатским, буддологом с мировым именем. Ученый не раз бывал в гостях в семье Цыбикова в Урдо-Аге, по воспоминаниям Лхамы Норбоевой, постоянно занимаясь книгами и буддийскими текстами. Академик Щербатский посещал бурятские юрты, дацан, изучал быт, нравы.

Приезд русских подданных — бурята Агвана Доржиева и калмыка Овше Норзунова, борьба Далай-ламы за независимость от "опекунов" — все это были лишь предвестники надвигающихся бурных событий, коренным образом изменивших жизнь "Крыши мира".

Англичане, вторгшись в Тибет, не могли быть объективными наблюдателями; да и сама страна в те дни напоминала разворошенный муравейник. Затем в жизни Тибета произошли еще большие перемены. Так что описание, данное Цыбиковым, во многом является не только первым, но и единственным документом, оставленным ученым-востоковедом. Никто из исследователей — ни до, ни после Цыбикова — не мог и уже не может видеть многое из того, что довелось увидеть ему.

Тесную связь поддерживала Норбоева с редактором книги "Буддист-паломник у святынь Тибета", секретарем Русского географического общества Александром Васильевичем Григорьевым.

Летом 1955 года для изучения архива Г. Цыбикова в Агинский автономный округ был командирован известный советский писатель-ученый Сергей Николаевич Марков, автор многих трудов по истории географических открытий. Таким образом, Марков был первым среди современных ученых-писателей, кто ознакомился с личным архивом Цыбикова в Урдо-Аге.

Жигжитжаб Доржиев
Александр Кондратов

Сергей Николаевич Марков и местный учитель Дарма-Базар Жигмитов впервые изучали "Дневник Г.Ц. Цыбикова". В подлиннике — это записная книжка в сером коленкоровом переплете размером 4х8,5 см, всего в ней 426 страниц.

Этот Тибетский дневник, сохраненный Лхамой Норбоевой, открыл много неизвестных фактов, не включенных самим Цыбиковым в его главный труд "Буддист-паломник у святынь Тибета".

Дорожный дневник Цыбикова был передан Лхамой Норбоевой в фонд Бурятского филиала СО АН СССР. Научным наследием Цыбикова стали заниматься академик А.П. Окладников, бурятские ученые-буддологи, тибетологи, историки, филологи.

Имя Гомбожаба Цыбикова решением Совета Министров РСФСР присвоено Агинскому окружному историко-краеведческому музею. Именем его названа улица в поселке Агинское и в городе Улан-Удэ. Ему воздвигнут памятник на граните недалеко от здания окрисполкома.

В Агинском Бурятском автономном округе живет сестра Цыбикова Пагма Цыбикова. Земляки-агинцы ласково зовут ее Мадю-абгай (сестра Мадю). Она проживает в семье сына Амагалана Тагарова. Сестра Цыбикова вспоминает о брате, что он был "спокойным, уравновешенным, хотя и немного рассеянным человеком".

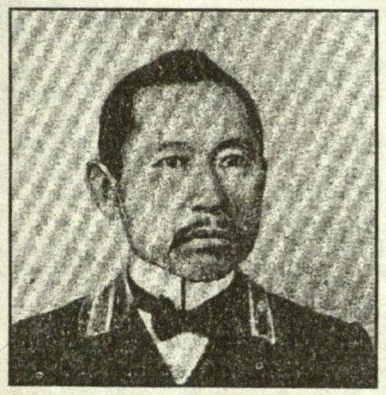
Как вспоминает Мадю-абгай, личным хозяйством Гомбожаб Цыбиков не интересовался. Порядочно картавил, не мог выговорить звук "р". "Я удивляюсь, как он стал таким ученым, да еще филологом. Среди наших родственников тоже были такие, которые картавили". Зная необидчивый характер Цыбикова, многие поддразнивали его, а он смеялся. Ученый играл в шахматы, но, видимо, был, как он говорил, посредственным игроком.

У Цыбикова был сын Дондокринчин, по профессии учитель. Его дочь, внучка Цыбикова Амагалан Дондокринчинова очень помогла в сборе научного наследия своего дедушки. При ее помощи Агинский окружной краеведческий музей открыл зал, посвященный профессору Цыбикову, где собраны уникальные экспонаты, среди которых личный шкаф Цыбикова, ящик-сундук тибетского образца, портфель профессора Иркутского университета и другие вещи.

Профессор Иркутского государственного университета М.Н. Мельхеев обогатил мемориальный зал Цыбикова находкой подлинного свидетельства Географического общества о командировании Цыбикова в Тибет с научной целью.

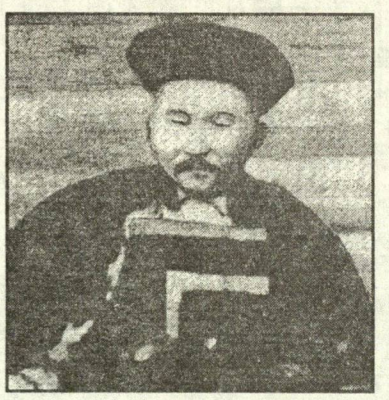
Имя Цыбикова встало в один ряд с именами известнейших путешественников России.

Как ученый Цыбиков совмещал в себе географа, этнографа, историка, филолога, буддолога. Вот почему Агинская степь, Бурятия и Россия по праву гордятся Гомбожабом Цыбиковым, замечательным ученым и путешественником, вписавшем одну из самых ярких страниц в историю изучения Центральной Азии и Тибета.

НА СНИМКАХ (слева направо): Г. Цыбиков—студент; Цэбек Монтуев—отец Гомбожаба Цыбикова; Буда Рабданов—учитель Г. Цыбикова; памятник Г.Ц. Цыбикову.

ДРЕБЕЗГИ

СИНДРОМНОЕ

* * *

Шубу шью и колюсь,
докололся до косточек.
Жив останусь—напьюсь,
принимая с наперсточек.

* * *

Я на скорости мчусь
среди пней и кустарников.
Жив останусь—напьюсь
из разбитых подфарников.

* * *

Я огня не боюсь
ни по центру, ни с фланга.
Жив останусь—напьюсь
из пожарного шланга.

* * *

Перед бурей молюсь.
Море хлещет угрюмо.
Жив останусь—напьюсь
из рыбацкого трюма.

З. ГОРЫНЫЧ.

СЛУЧАЙ В КУПЕ

Николай Яценко

В купе вошел пассажир. Он огляделся и поставил чемодан на нижнюю полку слева. Сидевшая на ней женщина сейчас же поднялась, шагнула к противоположной полке и устроилась рядом с молодым человеком в клетчатой рубашке.

— Эгоизм! — сказал молодой человек.

— Что? — обернулся на голос пассажир.

— Я говорю: это чистейшей воды эгоизм. Вы же согнали женщину с удобного места!

— Извините, — мягко возразил пассажир. — Это место мое, у меня билет...

Обладатель клетчатой рубашки повысил голос:

— Надеюсь, билет не будет возражать, если вы уступите место женщине, которая годится вам в матери!

— Извините, — лепетал пассажир, присаживаясь, — но я не гожусь в верхолазы, у меня больная нога. Вы, молодой человек, могли бы сами уступить...

Парень закурил сигарету, пыхнул дымом на нового соседа по купе.

— Я? Уступить?.. Ты, старик, юморист!

Он обратился к притихшей во время разговора женщине:

— Мама, ты сходила бы к проводнику! Может, он найдет тебе где-нибудь нижнее место.

1972

СИНДРОМНОЕ

Ольга Коваленко

Сыро, говоришь, в подполье, грибок стены ест? Э-э, паря, знаю, знаю. Я от него уж, почитай, годов пять как избавился. Поделиться опытом, говоришь? Отчего не поделиться. Только дело тонкое, риску требует. Чем я его, холеру, только не пробовал изводить. Известкой, солидолом... Живучий, язви его. Кто-то подсказал — можно бензином, мол. Ну я и давай. В баночку налил, кисть макаю и мажу. Да только не видно ничего, чего я там мажу. Подполье, темно, да и глаза-то, сам знаешь... Ну и чиркнул спичку, посмотреть... О-ох, лучше не вспоминать. Ладно, баба моя половики с полу сгребла, с вешалки фуфайчонки сорвала и ко мне сбросила. Насилу огонь забил... Веришь, нет, с той поры грибка этого — как не бывало! Хочешь попробовать?

БАСЕННОЕ

Виктор Баляснников

ЭПИТАФИЯ

Сок игнорировал,
Предпочитая спирт,
Так деградировал,
Что вечно спит.

ИНДИВИДУАЛИСТ

Под песню легче, веселей
Работать жителям полей.
Один, без песни Хомячок,
Набил за щеки и—молчок.

"СВЯТОША"

Увлечен святыми Гога,
Наколол иконостас...
За пятак не только Бога —
Душу дьяволу продаст.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ

Всю ночь строчил и уповал:
"Сражу соседа наповал!"

ПЕСЕННОЕ

Вячеслав Жуин

Живу в Чите. Работаю шофером. Иногда приходят на ум частушки. А вам приходят, а? То-то же...

Ты как хочешь понимай:
К винтикам есть гаечки,
Я попасть мечтаю в рай,
А дружок мой — к Раечке.

* * *

Кинул снасть на черепах,
Вмиг всплыла Тартилла
С целым ящиком в зубах
Смертного тротила.

* * *

Подою пойду корову
Деткам надо молока...
Вышла женушка из дома...
За другого мужика.

* * *

Чтобы мил был белый свет,
Я купил бронежилет...
Говорят: московский мэр
Купил даже бэтээр.

* * *

В полном сраме все на БАМе
И по слухам в казино
Мы китайцам проиграли
Золоченое звено.

* * *

— Ой ты, тетя-почтальон,
Принеси газеточку.
— Ты сначала мне открой
на площадке клеточку.

ДОСУЖЕЕ

- "Крыша" коммерческой фирмы ремонту не подлежит.
- Иголка в сене — слесарь домоуправления.
- Еда — лекарство от голода. Жаль, что стоит дорого.
- Тщетно стучаться бессребренику в двери тюрьмы.
- К пятидесяти годам пора обзаводиться либо умом, либо веревкой.
- Право на самоубийство не закреплено в Конституции.
- "Господи, дай мне..." — это не молитва, а попрошайничество.
- Поэт живет столько лет, сколько ему нужно.
- Говорун Цицерон — оратор, говорун Явлинский — лидер фракции "Яблоко".
- Пусть историки оставят нам право судить об истории и после них.

К. БЕССМЕРТНЫЙ.

ЗАГАДКА ПРИРОДЫ

Николай Самохин

Российский писатель-сатирик, сотрудник журнала "Сибирские огни", собкор "Литературной газеты" по Сибири был озорной и грустной, анекдотической и академически-строгой совестью целого ряда праздников "Забайкальская осень". За неординарность поведения и мышления, мифологизацию собственной судьбы и творчества, юмористическое отношение к "столпам" текущей литературы его любили и не очень, ревновали и завидовали дружбе с ним многие читинцы, иркутяне, красноярцы, омичи — разнообразный люд всей Сибири. В первые годы перестройки он трагически ушел из жизни, как это совершали многие "веселые" писатели России.

Мы узнали о поразительном качестве Левандовского случайно. Ждали на остановке троллейбус.

— Эх, тюха-матюха! — хлопнул себя по лбу Левандовский. — Мне же носки купить надо! Вы не уезжайте, я мигом. И он нырнул в промтоварный магазин.

Вышел оттуда Левандовский через три минуты, сладко жмурясь и покачиваясь.

Маралевич потянул носом и тихо сказал мне:

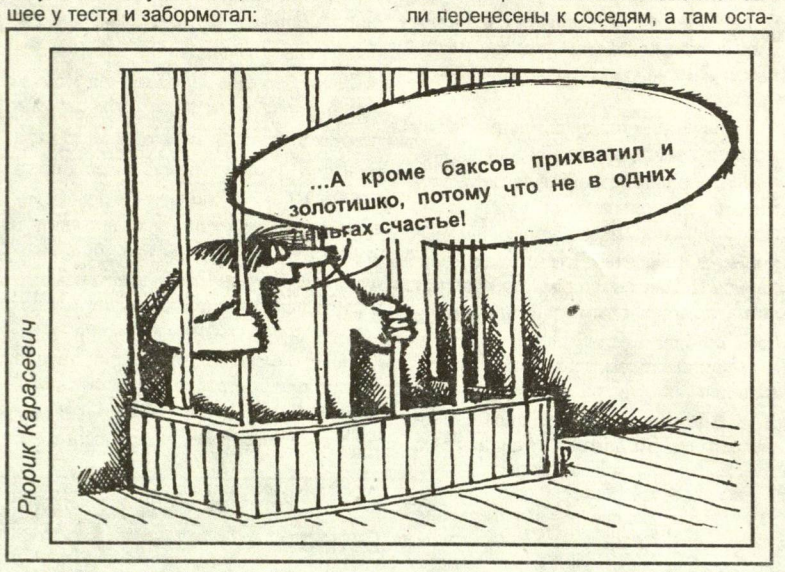
— Странно. По-моему, он клюкнул. А ну, понюхай.

Я принюхался: так и есть. До вечера мы ломали головы над этой загадкой — в промтоварах никому еще выпить не удавалось. Потом не выдержали, поехали в магазин и произвели разведку.

Ничего. Заведение как заведение. Ткани, галантерея, трикотаж. Никакой гастрономии, никаких соков.

— А может, директор знакомый? — сказал Маралевич. — Заскочил к нему в кабинет, опрокинул пару стаканов. Так мы и решили.

Однако на другой день у Левандовского были гости-тесть и теща. Сидели, играли в подкидного дурака, пили чай с малиновым вареньем. — Веня, — сказала жена. — Достань мне душегрейку. Трезвый, как стеклышко, Левандовский полез на антресоль за душегрейкой. Там он поколдовал некоторое время, а спускаясь обратно, вдруг оступился и отдавил подстраховывающему его тестю ухо. Потом упал весь, повесился на шее у тестя и забормотал:

— Папаша! За что я вас так безумно люблю?

У тестя получился припадок астмы. А за Левандовским установили наблюдение. Дома — родственники, на работе—сослуживцы.

Но все было тщетно.

Допустим, они с женой садились в автобус. Жена по праву слабого пола шла в переднюю дверь. Левандовский — ни в одном глазу — в заднюю. Когда они встречались на середине автобуса, он бывал уже хорош. На службе Левандовский неожиданно говорил

— Ой, что-то живот схватило!

И сворачивал под литер "М".

При этом ожидавшие его сотрудники определенно знали: выйдет оттуда Левандовский ни бе ни ме.

И был даже такой случай. На улице у Левандовского развязался шнурок.

— Подожди, я только завяжу, — сказал он товарищу. Когда Левандовский разогнулся, его пришлось сдать в вытрезвитель.

Наконец жена пошла на крайность. Однажды она заперла Левандовского в пустой квартире. Причем по случаю ремонта вещи и обстановка из комнат были перенесены к соседям, а там осталось только ведро с известкой, две малярные кисти и четырнадцать килограммов метлахской плитки. Через полтора часа я позвонил Левандовскому.

— Что поделываешь, старик? — спросил я.

— Заводя! — закричал он. — Увабу-бу!..

— Готов! — сообщил я Левандовской и повесил трубку.

После такого невероятного события Левандовским заинтересовалась общественность. Местное отделение Академии наук выделило специальную комиссию в составе одного профессора, двух кандидатов наук и четырех младших научных сотрудников.

Ученые, с целью развеять миф вокруг Левандовского, присмотрели на молодом Обском море удаленный островок. Островок, как полагается, сначала был проревизован на предмет необитаемости, а потом туда отвезли исследуемого. С ним отгрузили: восемь банок консервов "Лосось", мешок сухарей, байковое одеяло и две пары китайских подштанников — на всякий случай и на похолодание.

Вслед за этим на море ударил шторм девять баллов. Так что добраться к островку было невозможно. Кроме того, расставленные по берегам пикеты тщательно просматривали окрестности в бинокль.

Шторм бушевал трое суток. Лишь только он стих, катер с экспедицией направился к острову. Когда один из младших научных сотрудников, засучив штаны, собрался прыгнуть в воду, чтобы принять чалку, из кустов донеслась разудалая песня:

—Скакал казак через долину!..

И навстречу изумленным членам комиссии вышел пьяный в дым Левандовский.

Видя такое дело, профессор, неоднократный лауреат различных премий, развел руками и сказал:

— Наука здесь бессильна.

Но тамошний бакенщик дядя Федя, промышлявший самогоном для личных нужд, напротив, высказал предположение, что на острове растет винный корень.

Целый месяц дядя Федя с двумя сынами допризывного возраста вел на острове раскопки. Но корня так и не обнаружил. Тогда он выругался, сказав: "Свинья везде грязи найдет", — и засеял всю территорию картошкой. ■

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Азия-пресс»
Тел.: 23-90-08, 23-88-16
Выходит один раз в месяц.
Зак. №2022
Набор и верстка АО СТС г. Чита.
Печать в обл. типографии.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Леонид Аверьянов, Николай Березин, Александр Потяев, Михаил Вишняков (шеф-редактор), Георгий Граубин, Рюрик Карасевич (отв. секретарь), Игорь Портнягин, Вячеслав Толкалин